

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

АВТОРСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Третьего августа я опубликовал под названием *Размышления о суровых и очевидных реальностях* комментарии относительно прерогатив власти и их влияния на людей и процитировал соображения, приведенные генерал-полковником Леонидом Ивашовым - вице-президентом Академии геополитических проблем России, который был секретарем Совета Министров обороны Содружества независимых государств и начальником главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. Как я отметил в тот раз, Ивашов – это действительно хорошо информированный человек, с точкой зрения которого стоило познакомиться наш народ.

Анализ генерала Ивашова, помещенный 24 июля в сообщении российского агентства "Риа-Новости", исходил из признания того, что главным орудием американской политики является экономическая, финансовая, технологическая и военная диктатура, насаждаемая Соединенными Штатами на современной мировой арене.

Не буду повторять аргументацию генерала Ивашова, на основании которой он приходит к выводу, что для того, чтобы нейтрализовать планы мировой гегемонии, необходимо построить альтернативные полюсы власти, и в этом смысле хочу только обратить внимание на одно из его главных утверждений:

«Американской империи может противостоять только альянс цивилизаций: русской, орбита которой включает Содружество независимых государств (СНГ); китайской, индийской, исламской и латиноамериканской. Это огромное пространство, на котором мы могли бы создать более справедливые рынки, свою собственную устойчивую финансовую систему, свой механизм коллективной безопасности и свою философию, основанную на первоочередности интеллектуального развития человека перед лицом современной западной цивилизации, которая делает ставку на материальные блага и измеряет успех вилами, яхтами и ресторанами. Наша задача – переориентировать мир на справедливость и интеллектуальное и духовное развитие».

Эта концепция «альянса цивилизаций», основанного на преобладании идей, напомнила мне международную встречу, проходившую в нашей стране в марте 2005 года под названием «Международная конференция «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: универсализм и самобытность».

В этой конференции, созванной Советом Фонда «Центр Национальной Славы России» и организованной Министерством культуры и Союзом писателей и деятелей искусств Кубы (УНЕАК), приняли участие почти 300 ученых и представителей интеллигенции, общественных

организаций и средств массовой информации, политиков и религиозных деятелей из 29 стран, собравшихся с главной целью – ответить на современные теории о столкновении цивилизаций, основанные на исключительном характере неолиберальной глобализации, которая насаждает единую модель, чему противостоит содействие диалогу между народами, культурами, вероисповеданиями и государствами, с тем чтобы найти общие ответы на ключевые вызовы современного мира.

Я был приглашен выступить на закрытии этой встречи и на заключительном заседании конференции, проходившем в гаванском Дворце съездов 30 марта 2005 года, произнес речь – вернее, то был импровизированный диалог с приглашенными, исходивший из высказываний и вопросов, заданных мне в тот день. В своем выступлении я охватил темы, которые рассматривались на рабочих заседаниях встречи, и другие, связанные с задачами конференции.

Вследствие их объема эти высказывания не были тогда проверены мною, и текст не был передан СМИ. В свете утверждений генерала Ивашова и его ссылки на альянс цивилизаций я перечел то выступление, сократил ряд абзацев, не содержащих главного, и пересмотрел отдельные детали структуры и изложения. Когда я перечитал его, то сам удивился тому, насколько я уже продвинулся вперед во многих своих нынешних идеях и тревогах.

По этой причине я попросил напечатать текст того выступления. Самое главное – помнить, что это выступление состоялось 30 марта 2005 года, почти два с половиной года назад.

Если я говорил в Рио-де-Жанейро о человеке как о виде, находящемся под угрозой исчезновения из-за разрушения естественных условий обитания, уже более 15 лет назад, то сегодня эта опасность ближе. Новые и непредвиденные проблемы, созданные наукой, технологией и присущим неолиберализму расточительством, умножают политический, экономический и военный риск. Главные идеи, выраженные в «Диалоге цивилизаций», уже вызревали. Поэтому я попросил, чтобы выступление в Рио-де-Жанейро был опубликован как первая часть этого материала.

Фидель Кастро Рус

25 августа 2007 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ФИДЕЛЯ КАСТРО РУСА НА
КОНФЕРЕНЦИИ ООН ПО ВОПРОСАМ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЗВИТИЯ В РИО-ДЕ-
ЖАНЕЙРО 12 ИЮНЯ 1992 ГОДА.

Стенографическая версия

Государственный Совет

Господин Президент Бразилии, Фернандо Коллор де Мелло!

Господин Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций, Бутрос Гали!

Ваши Превосходительства!

Важнейший биологический вид - человек, подвержен риску исчезновения в силу быстрой и прогрессивной ликвидации его естественных условий жизни.

Мы осознаем эту проблему сейчас, когда предотвращать ее уже почти поздно.

Необходимо отметить, что главная ответственность за страшное разрушение окружающей среды лежит на обществе потребления. Оно было рождено прежними колониальными метрополиями, представляет собой результат имперской политики, породившей в свою очередь отсталость и нищету, которые являются сегодня бичом огромного большинства людского рода. Охватывая лишь 20 процентов населения земного шара, это общество потребляет две трети металлов и три четверти энергии, производимых в мире. Оно отравило моря и реки, загрязнило воздух, истощило и разрушило озоновый слой, довело до предела содержание в атмосфере газов, нарушающих климатические условия, что приводит к катастрофическим последствиям, от которых мы уже начинаем страдать.

Исчезают леса, растут пустыни, ежегодно уходят в море миллиарды тонн плодородной земли. Гибнет множество биологических видов. Фактор население и бедность порождают отчаянные усилия - выжить даже за счет природы. Возлагать вину за это на страны Третьего мира, - вчерашние колонии, нации, которые сегодня, в силу царящего в мире несправедливого экономического порядка, подвергаются эксплуатации и грабежу - невозможно.

Решение препятствовать развитию стран, которые нуждаются в развитии больше всех -

неприемлемо. Реальность такова: все то, что сегодня способствует наличию слаборазвитости и бедности является вопиющим нарушением экологии. В результате в странах Третьего мира ежегодно умирают десятки миллионов мужчин, женщин, детей - больше, чем погибло в каждой из мировых войн. Не эквивалентный обмен, протекционизм и внешний долг наносят ущерб экологии и способствуют разрушению окружающей среды.

Если есть желание спасти человечество от этого самоуничтожения нужно лучше распределить имеющиеся на планете ресурсы и технологии. Меньше роскоши, меньше расточительства всего лишь в нескольких странах, чтобы стало меньше бедности и голода на большей части Земли. Хватит переносить в Третий мир образ жизни и навыки потребления, несущие разрушение окружающей среды. Пусть жизнь людей станет рациональнее. Пусть вступит в силу справедливый международный экономический порядок. Пусть будет задействована вся необходимая для обеспечения устойчивого, без загрязнения окружающей среды развития, наука. Пусть будет выплачен экологический долг, а не внешняя задолженность. Пусть исчезнет не человек, а голод.

Теперь, когда исчезла мнимая угроза коммунизма и не осталось поводов для холодных войн, гонок вооружений и военных расходов, - что же мешает немедленно посвятить эти средства развитию стран Третьего мира и борьбе с угрозой экологического разрушения планеты?

Пусть прекратятся эгоизм, гегемонистские устремления, бесчувственность, безответственность и обман.

Завтра будет слишком поздно делать то, что мы должны были сделать уже давно.

Спасибо.

(Овация)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ФИДЕЛЯ КАСТРО РУСА НА ЗАКРЫТИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ЛАТИНСКАЯ
АМЕРИКА В ХХІ ВЕКЕ: УНИВЕРСАЛИЗМ И САМОБЫТНОСТЬ», ПРОХОДИВШЕЙ ВО
ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ 30 МАРТА 2005 ГОДА.

Стенографическая версия

Государственный Совет

Дорогие друзья!

Я имею в виду всех приглашенных, прибывших из других стран и с Кубы.

Должен признаться, что мне не нравится слово «иностранный», это словно как я, обращаясь к вам, сказал бы «Дорогие посторонние».

Быть может, редко кто-либо имел возможность - и одновременно вызов – встретиться с такой группой как эта. В первую очередь, надо быть ясновидящим, чтобы знать, о чем я должен говорить. Я славлюсь тем, что говорю много, иногда слишком долго, и сегодня это не входит в мои намерения, хотя намерения не всегда совпадают с результатами (Смех); но, понимаю, это не потому, что я присутствовал на выступлениях, чего мне очень бы хотелось. К счастью, я прочел резюме того, что здесь происходило, и различных выступлений.

Первое, что приходит мне в голову, это мысль поздравить тех, кто проявил инициативу, организовав такую встречу, как эта, и дал ей название, которое ее обобщает - «Диалог цивилизаций».

Любой, кто не знал бы о какой-либо из ваших встреч или содержания вашей задачи, мог бы подумать, что речь идет о группе любителей обмениваться философскими впечатлениями или проводить время, обмениваясь интересными мнениями и размышлениями.

В силу того, что я прочел, я думаю, что содержание этого диалога намного более возвышенное и глубокое, чем то, что можно было бы представить себе исходя из названия. Мне кажется, что вы действительно участвовали в диалоге, не знаю, сказать ли в диалоге между цивилизациями или диалоге во имя цивилизаций.

Следовало бы вернуться к понятиям цивилизаций и спросить себя: что такое цивилизации? С того времени, когда я был мальчиком и учился в школе, что было не так уж давно (Смех), мне кажется, это было прямо вчера, я слышал первые понятия о мире, об истории, и нам говорили, что этот мир цивилизованный, даже говорили, что европейцы прибыли на это полушарие, чтобы принести нам цивилизацию.

Также говорили, что надо было ехать в Африку, чтобы цивилизовать африканцев, и отправились на Тихий океан, который тогда называли Индийским, цивилизовать индийцев, индонезийцев; еще дальше, и добрались до Китая, чтобы цивилизовать Китай.

Уже очень давно все мы слышали, я мальчиком тоже слышал о Марко Поло, о его путешествиях в Китай, и известно, что китайская цивилизация существовала очень давно, так же, как была индийская цивилизация, цивилизация и там, на Евфрате, несколько цивилизаций, в Месопотамии, и любопытно, что все это происходило до греческой цивилизации и римской цивилизации и до европейской цивилизации.

Раз я был в Африке, посетил Южную Африку, и меня пригласили в деревню, где был памятник, построенный в честь ребенка, погибшего в ходе одного из протестов против апартеида, и я подумал, стоя на этом месте, что когда в Африке, в некоторых местах Африки уже была цивилизация, по Европе из края в край бродили племена варваров.

Во времена Юлия Цезаря, мы знаем, что он добился славы, сражаясь со своими легионами против племен немецких варваров, и после покорения варварских племен франков настал черед завоевания Галлии, Галльская война; он дошел даже до тех мест, где сегодня Великобритания, до островов; там он построил стену, потому что, как кажется, некоторых он не смог полностью покорить, но они построили стену. Эта самая Европа – а я не против европейцев, наоборот, я за мир между всеми (Смех), за уважение к достоинству всех, как я могу не уважать достоинство европейцев, я говорю об истории, поскольку размышлял, - в то время, когда через XV веков после завоевания Галлии Юлием Цезарем испанцы – отчасти мои родственники – прибыли в Мексику, они нашли там – думаю я – цивилизацию, город, который был намного больше, чем любой европейский город той эпохи, город Мехико, столицу ацтеков, Теночтитлан, город, построенный на озере, шедевр инженерного искусства, процветающее, развитое сельское хозяйство. Там было больше жителей, он был больше Парижа, возможно больше Мадрида, Лиссабона и всех тех мест, и они отправились нести цивилизацию, завоевывать Мексику.

Ну хорошо, одним из предлогов, о чем я прочел у одного из писателей той эпохи, Берналя Диаса де Кастильо, было то, что надо было их цивилизовать, так как они совершали человеческие жертвоприношения. И если надо цивилизовать тех, кто совершает человеческие жертвоприношения, думаю, что в этом мире еще есть много людей, которых надо цивилизовать.

Думаю, например, что надо цивилизовать тех, кто подвергает бомбардировке города, вселяют ужас в миллионы мужчин, женщин, детей, а потому говорят, что были жертвы среди гражданского населения. Независимо от того, что жертвы среди гражданского населения всегда бывают при бомбардировках, и русские знают это лучше кого бы то ни было, ведь русские узнали бомбардировки Ленинграда, русские узнали, что такое внезапные нападения; русские помнят то 21 июня, когда войска Адольфа Гитлера, бронетанковые дивизии, с применением тысяч и тысяч самолетов, сотни прекрасно вооруженных дивизий, десятки тысяч танков и орудий внезапно и без предупреждения напали на тот глухой уголок земли, который звался Советский Союз; дивизии продвинулись со всей скоростью, одни на Ленинград, другие напрямую на Москву, другие по югу прямо на Киев.

Мы, кто имел возможность узнать и восхищаться великими подвигами русского народа, знаем, с каким страшным противником ему пришлось столкнуться вдруг, за несколько часов, пока солдаты находились в увольнительной в той знаменитой Бресткой крепости, которая защищалась так горделиво и героически, несмотря на внезапность, и изучая эти события, мы действительно могли видеть то, что убедительно свидетельствует об исторических ценностях русского народа, когда повсюду известие о вражеских танках в тылу было знаком, чтобы поднимать руки вверх и выкидывать белый флаг, русские не сдавались, русские не выкидывали белого флага.

Иногда думаешь, что могло произойти, если бы этот народ был мобилизован, если бы русская армия и их союзники находились бы в боевой готовности. Мы, крохотная страна, островок здесь рядом с могущественным соседом, сколько раз нам приходилось подвергаться опасности и объявлять себя в боевой готовности? Потому что мы поставили себе целью, чтобы никто никогда не мог застичь нас врасплох и напасть на нас, когда мы не готовы. Не буду рыться в истории и говорить об ответственности, но ведь реальный факт, что если бы народ и его вооруженные силы были мобилизованы, я очень хорошо знаю, где закончилась бы Вторая мировая война, - не в Берлине, а в Лиссабоне. Я осмеливаюсь сказать это со всей ответственностью, я думал об этом много раз, потому что читал эту историю, много книг об истории той войны, написанных авторами с одной и другой стороны. Все мы знаем, что погибли миллионы и миллионы мужчин и женщин, говорили о 15, потом о 20, потом о 27 миллионах граждан того многонационального советского государства, тогда и теперь тоже Россия, конечно, по большей части многонациональное государство; но погибли десятки миллионов, и думаю, что в основном в результате внезапности.

В нашей стране было опубликовано не знаю уж сколько книг, даже когда нам грозила большая опасность, мы прибегали к героической литературе русских. И вот так сотнями тысяч экземпляров издавались книги, чтобы вдохновлять наш народ мыслью о том, что когда народ борется и когда народ сопротивляется, он может противостоять любым трудностям.

Я хочу сказать, что для нас этот героизм русских – не что-то такое, о чем мы читали как о героизме, скажем, тех, кто боролся в Нумансии и Сагунте против римских войск и боролся до последнего человека, до истребления всего населения, мы прожили вместе часть истории, трудную часть; вы прожили ее раньше, а мы позже, когда нам постоянно грозило нашествие; и нам грозил не остров Большой Кайман, который находится к югу от Кубы и имеет несколько квадратных километров и, быть может, 8 000 или 10 000 жителей, нам грозила страна, имеющая 8, 9 или 10 миллионов квадратных километров, почти 300 миллионов жителей, это держава, которая была преобладающей в последние 60 лет с точки зрения технической, экономической и военной, американская сверхдержава. Это большая опасность.

И мы вдохновлялись подвигами советского народа, я должен это сказать, я не должен бояться произносить это слово; но мы знаем, что душа этого сопротивления, ось этого сопротивления, центр этого сопротивления – русский народ, несколько не преуменьшая героизма других народов, боровшихся вместе с русскими.

Ретамар говорил о вторжении в Россию наполеоновских войск; Наполеон, который был революционером, представителем той великой революции, несомненным военным гением, но военным гением в разгар революции; без Французской революции не было бы гения, наполеоновского военного гения, он прожил бы там на своем островке Корсика годы, отведенные ему для жизни в ту эпоху, и никто не услышал бы о Наполеоне, но произошла великая революция, и среди этой большой революции, сражений, вторжений, нашествий, все это знают, и из народа вышли вожди, много вождей. Из народа выходят вожди, особенно в ходе больших социальных кризисов.

Не люди делают историю, это история делает людей, фигуры, выдающихся личностей; люди так или иначе интерпретируют события, но они дети истории. Без этих исторических процессов – мы видим здесь посла Венесуэлы, нашего друга Адана, он носит имя первого человека, жившего на этой планете, но он представитель страны Боливара, - без тех исторических событий сегодня не знали бы имени Боливара.

То был большой кризис, захват Испании Наполеоном, там стране навязали французского короля, брата – и кажется, глуповатого – великого императора, это привело к восстанию как в первую очередь акту верности, не со стороны Боливара, но со стороны того общества, которое было даже обществом, представленным в тот момент самыми богатыми слоями, господствовавшими слоями.

Но без тех исторических событий, без той революции сегодня не знали бы имени Боливара, если бы Боливар родился на 30 лет раньше или на 30 лет позже. Не знали бы имени Марти, даже не знали бы имен многих крупных исторических деятелей, чья слава порождена не столько их заслугами, сколько историческими событиями. Я говорю так обо всех великих фигурах: Марти, момент, в который он родился; Марти был сыном испанского военного, его

мать и отец были испанцами, он родился, обладая огромной восприимчивостью, родился на этой земле в момент кризиса. Значит, большие исторические события являются результатом кризиса.

Я говорю это, потому что, ну хорошо, история – есть много интерпретаций истории – складывается из ряда событий и движется от одного этапа к другому. История, о которой мы говорим, история тех цивилизаций, что возникли до греческой и римской, научила нас многому.

Думаю, что история человека - это история войн, история завоеваний, история покорения одного народа другими, одних групп другими. В определенный момент уже возникли империи, но римская не была первой, были империи до римской. Были империи в Китае. Там есть знаменитая армия из терракоты, которую китайцы раскопали, впечатляюще то, что это отражает, достижения искусства, культуры, техники, цивилизации.

Были империи в Азии. Персидская империя была намного раньше римской, раньше даже, чем знаменитая империя Александра. Александр в определенный момент организовал армии – ну, их организовал его отец, - и очень молодым начал завоевывать Малую Азию и все те страны. Они боролись против персидского императора, кажется, он разрушил Персеполь, говорят, что он нес греческую цивилизацию. Так странно слышать, что греческая цивилизация могла вдохновить на разрушение такого города как Персеполь. От него остались руины, несомненно, то был замечательный город. Также была разрушена месопотамская цивилизации, неизвестно, что произошло со знаменитымиися садами, от них остались только отдельные идеи. Нашествия следовали за нашествиями. В Европу волнами вторгались так называемые племена варваров. Племена варваров в конце концов покончили с римской империей, особенно когда римские легионы перестали быть римскими и оказались состоящими из солдат тех варварских племен, которые в конце концов разрушили римскую империю. Хотя конечно на каждом из этих этапов создавались большие ценности, во все эпохи, начиная с эпохи, предшествовавшей нашей эре, философы, бывшие до нашей эры, греческие философы возникли именно до нашей эры, и говорят, что Аристотель был наставником Александра Великого. Так рассказывается в некоторых историях, написанных настоящими эрудитами, знавшими обычаи той эпохи, они объясняют, что Аристотель был наставником сына Филиппа Македонского.

То есть каждый из этих этапов создавал ценности, каждый из этих этапов создавал культуры, которые складывались одна с другой, но в конце концов, когда мы говорим о цивилизации, мы не можем забывать цивилизацию майя, обладавшую знаниями о пространстве, или цивилизацию ацтеков, или цивилизацию инков, или доинкские цивилизации.

Я беседовал с такими видными людьми как Хейердал, знаменитый автор «Кон-Тики», он был исследователем. Он занимался изучением древних цивилизаций. Он много работал в Перу и рассказывал мне, как там были вещи и конструкции, которые можно было разглядеть только с высоты 2 000 или 3 000 метров, посреди равнин, сооружения, бывшие произведениями инженерного искусства, результатом инженерных знаний, каких не существовало в Европе,

когда она завоевывала это полушарие. Так что нам принесли те цивилизации, нас завоевали - до каких пор? Почти что до сегодняшнего дня, и говорю почти что, потому что многие из нас еще завоеваны и покорены другими цивилизациями, которые господствуют над остатками тех, что существовали в этом полушарии, однако не надо забывать о больших ценностях, которые принесли даже конкистадоры, потому что все создавали ценности. Все цивилизации создавали ценности, но ценности сталкивались одни с другими.

Когда я услышал эту фразу «Диалог цивилизаций», мне пришла на ум мысль о сумме ценностей, сложить ценности всех цивилизаций, как когда говорится об обучении чтению и письму, это значит внушить невежественным людям те ценности, которые они не смогли узнать, потому что у них не было учителя, не было школы. Когда говорят об обучении чтению и письму, думают об этом – о передаче ценностей, но мы должны спросить себя: какие ценности мы передаем? Какие ценности?

Я с волнением слышал слова о том, чтобы распрощаться с шовинизмом, распрощаться с узким национализмом, распрощаться с ненавистью, распрощаться с нетерпимостью, распрощаться с предрассудками, это значит привносить все то, что есть хорошего во всех культурах, и всех цивилизациях, и всех религиях, воспитывать людей в духе универсальной этики, по-настоящему необходимой в этом глобализированном неолиберальном мире, который начался с глобализации эгоизма, глобализации пороков, глобализации жажды потребления, глобализации попытки овладеть ресурсами остальных, поработить остальных.

Говорят, что рабство идет с первобытных времен и что с тех пор, как человек уже начал что-то производить и открыл, что можно производить для себя и для других, вместо того, чтобы убивать пленных, он стал их сохранять. Так говорят, и в этом может быть много верного, но рабство существовало тысячи лет с тех пор.

Говорят, что это был большой шаг вперед – от римского рабства к феодализму, преобладавшему в Европе в так называемые Средние века вплоть до минуты, когда нас открыли здесь. Говорю открыли, потому что хотя во мне есть часть крови открывателей, я чувствую себя сыном этой земли, этого острова; но более всего я чувствую себя сыном человечества. У нас был большой патриот, большой философ, который однажды сказал – и то была не эпоха интернационализма, то был человек, боровшийся за независимость своей родины против испанского колониализма, но он сказал фразу, достойную того, чтобы быть запечатленной на все будущие времена: «Родина – это человечество!» Этого человека звали, зовут и всегда будут звать Хосе Марти. Смотрите: «Родина – это человечество!». Здесь, где собрались представители более 25 стран, ученые, представители интеллигенции, религиозные лидеры, чтобы вести этот диалог цивилизаций, - разве у них нет чувства или впечатления, что Родина – это человечество?

Поясняю это, потому что ненавижу шовинизм, осуждаю шовинизм, как отвергаю многие другие вещи, которые человек в своем долгом пути по своей короткой истории... никто не

знает, возник ли homo sapiens уже 50 000 или 100 000 или несколько сотен тысячи лет назад; археологи всю жизнь ищут черепа, чтобы понять, в какой момент эволюции вида возник человек. И я говорю это без страха, хотя знаю, что многие тут верующие, потому что сам глава католической церкви несколько лет назад провозгласил, на мой взгляд, очень смело, что теория эволюции не является непримиримой с учением о создании мира. Конечно, я не знаю, что конкретно думают по этому поводу другие религии, я уважаю их все и уважаю все критерии, но привожу пример того, как интерпретирует эти знания католическая церковь. Это новые вещи, потому что сами церкви постепенно научались и старались совершенствовать свои точки зрения и свои концепции, исходя из поисков добра.

Я учился в религиозных школах, критиковал и все еще могу критиковать форму, в какой меня учили религии, очень догматически. Все люди не рождаются одинаковыми, и у каждого есть свой характер, свой образ мыслей. Я отвергаю все то, что мне пытаются навязать или во что меня заставляют верить, не убедив в том, во что меня хотели бы заставить поверить. Так каждый реагирует на свой лад.

Но я говорю, что сами церкви прилагали определенные усилия. Католическая церковь подвергла критике совершенные преступления, завоевание этого полушария огнем и кровью, подвергла критике инквизицию, осуждение Галилея, она осудила те страшные деяния – костры, на которых сжигали еретиков. Первый индеец, восставший в этой стране, мирным путем, он даже не был кубинцем, он прибыл из Санто-Доминго, чье население было очень воинственным, его звали Атуэй, его приговорили к смерти на костре, и там один священник пытался убедить его креститься, чтобы отправиться на небо, и история рассказывает, что он спросил, – кто знает, верно это или неверно, это красивая история, – этому учили всех нас еще в начальной школе, - отправляются ли на небо испанцы, и когда ему сказали, что да, они отправляются на небо, этот мятежный индеец сказал: «Я предпочитаю умереть, я не хочу идти на это небо, куда отправляются испанцы».

Смотрите, какой это урок, как каждый живущий человек, оставляет что-то после себя. Тот мятежник, умерший с такими словами, они могут быть верными или нет, но, по крайней мере, он их вдохновил. Смотрите, какой прекрасный пример достоинства, героизма.

Я говорил о том, что все ошибки, которые все мы совершили, мы должны преодолеть и ценности, которые все мы создали, мы должны объединить. Так я истолковываю то, что можно было бы назвать диалогом цивилизаций, дух которого я разделяю на сто процентов, и это делает меня счастливым. Хорошо бы я смог когда-нибудь участвовать во всем диалоге целиком, а не на закрытии диалога, чтобы мне не приходилось узнавать о том, что там обсуждалось, читая резюме.

Наш славный гость, которого мы приняли с большим удовлетворением, - и мы знаем, что он ничуть не виноват, что прибыл поздно, мы могли бы назвать это противоречием точек

зрения, противоречием цивилизаций, - говорил, с каким удовлетворением ждут там в Греции вскоре нового диалога, на котором могут присутствовать все, кто пожелает, и мне вспомнилось нечто совсем недавнее, ведь я, любитель спорта, каким был всегда, хотел посмотреть Олимпийские игры, на которые никогда не ездил, хотя бы даже и мог поехать; но я думал, что имел право участвовать в Олимпийских играх, если бы захотел этого, и туда в Грецию меня приглашало множество людей, даже служители греческой православной церкви, и обещали отвезти меня там в один знаменитый монастырь. И действительно, у меня голова полна мыслей, воспоминаний, того, что мне рассказывали, замечательных вещей, которые рассказывали мне об истории этой церкви и всего, что они сделали, что они создали. Мне было очень интересно, потому что меня посетил экуменический патриарх греческой православной церкви как раз в день открытия храма этой религии, и уже шла речь о заложении первого камня на месте, где будет возводиться русская православная церковь, у нас, к нашему общему удовлетворению, тоже будет этот храм, так же, как в нашем городе есть мечеть, и так же, как здесь представлены все церкви; для нас это большая честь, и нас радует и является честью, что они здесь представлены. Думаю, что наша страна всегда была примером того, как может существовать экуменизм не только в религиозной области, но и в плане уважения чувств остальных.

Я не мог бы быть экуменичным с теми, кто отказывает другим в праве думать и в праве верить, потому что для нас, кого столько обвиняют в нарушении прав человека, не стану ничего говорить, скажу только, что первое право человека - это право на то, чтобы думать, чтобы верить, чтобы жить, чтобы знать, право обладать достоинством, право на то, чтобы с тобой обращались, как с остальными людьми, право на то, чтобы быть независимым, право на твой суверенитет как народа, право на твое достоинство как человека.

Если говорить о правах человека, мы действительно думаем, что следовало бы организовывать Олимпийские игры, собрать нас, обвиняемых, вместе со всеми ханжами и лицемерами, какие есть в мире, собраться в таком зале, как этот, чтобы обсудить, что такое права человека, какие права мы нарушаем, а какие защищаем на протяжении десятков лет, ни разу не отказавшись от своих принципов; вы, многие из которых верующие, в конце концов можете помнить и упаси нас Господь, - а я не верующий в традиционном смысле этого слова, - от мысли сравнить себя с каким-либо другим деятелем в истории. Я - это не я; я говорю от имени кубинского народа, я представляю тысячи, сотни тысяч, миллионы людей, живущих на этом острове. Я не намереваюсь сравнить себя ни с кем, но на этот остров клеветали больше, чем на первых христиан, на него клеветали больше, чем на тех, кого пожирала льва в римском цирке, больше, чем на тех, кто жил в катакомбах, потому что верил во что-то.

Существуют религиозные верования и политические верования. Существуют религиозные убеждения и политические убеждения в лучшем смысле, в каком можно было бы использовать это столь затасканное слово политика, столь дискредитированное слово политика. Есть политические идеи. Я понимаю как политические идеи те, которые действительно достойны жизни человека, жертв человека, крови человека, смерти человека или многих людей,

целого народа в случае, если это потребуется для защиты этих ценностей, тех, кто защищает ценности и знает, что без ценностей нет жизни. Скажу больше, без ценностей нет цивилизации; скажу больше, без ценностей это человечество не выживет, потому что когда мы говорим о цивилизациях – и знаем, что их было много, и немало их исчезло, - мы могли бы также спросить себя, сколько просуществуют эти цивилизации, если мы не предпримем соответствующие шаги, какие вы пытаетесь сделать здесь, чтобы выжила уже не цивилизация, а род человеческий, поскольку впервые за долгий путь короткой истории выживаемость человечества находится под угрозой. Я бы пригласил кого-нибудь ответить, находилась ли когда-нибудь выживаемость рода человеческого под такой угрозой как сегодня.

Раньше была римская империя, раньше была греческая цивилизация или грекоримская, в другие времена была египетская, в другие – персидская, в другие – та, в Месопотамии, о которой я уже упоминал. То есть, все цивилизации существовали и в том полушарии, и в этом, потому что человек нес цивилизацию повсюду. Доказано, что человек, живший здесь, по эту сторону Атлантического океана, обладал таким же умственным развитием и таким же интеллектом, как те, кто остался в Старом свете. И геофизики, изучающие Землю, знают, что раньше не было двух полушарий, что 350 миллионов лет назад была одна масса земли. Эти полушария являются также результатом истории законов физики, геологии, компактная масса стала делиться, это полушарие отделилось от той массы, отделилась Антарктида, отделилась Австралия, все постепенно отделялись. Даже известно, как возникли Гималаи, какие движения тектонических слоев породили то или другое, и 350 миллионов лет назад не было людей, 300 миллионов лет назад их тоже не было. Тогда начала образовываться нефть. Эта нефть, с виду такая замечательная и, возможно, она и есть замечательная, которую этот цивилизованный человек разрушает менее чем за 200 лет.

Я хотел бы знать, сколько нефти останется в мире через – сейчас 2005 год – 91 год, потому что в 1896 году в мире ежегодно потреблялось 6 миллионов тонн нефти, а сегодня потребляется 82 миллиона баррелей, то есть почти 12 миллионов тонн нефти в день.

Повторяю, что 109 лет назад этот homo sapiens – чью мудрость, дорогие друзья, еще надо доказать, - 109 лет назад потреблял 6 миллионов тонн в год, а сегодня потребляет почти 12 миллионов тонн ежедневно; ежегодное потребление растет в темпе, равном 2 миллионам баррелей в день, и ее не хватает, и она все дорожает.

Я упоминаю только одну проблему – проблему энергии, и мы могли бы задать себе вопрос, насколько хватит этой удобной энергии, которой наши цивилизованные соседи – я не имею в виду народ, - это столь цивилизованное правительство – и простите, что я упомянул правительство, я не хочу упоминать никого, не хочу никого обижать, ладно, называйте его, как хотите, - эта столь цивилизованная и гуманитарная политика, которая противится Киотским соглашениям – простой и ограниченной попытке задержать загрязнение атмосферы. Это стоит отвергнуть.

Эта страна потребляет 25% мировой энергии. Так вот, сейчас нефтяной кризис, он есть и будет. Последний самый известный кризис был в 1975 году, и говорят, что сейчас нефть дорогая. Нет, она была дорогой в 1975 году.

Мы не то чтобы были нефтяной страной; может быть, мы и таковы, но мы не защищаем этим никаких идей, я говорю о том, что лучше, потому что, если будут загрязнять мир, то чем дороже будет нефть, тем больше надежды на то, что она продлится еще несколько лет, прежде чем нас отравят, прежде чем нас интоксигируют, изменят климат, пока есть, по крайней мере, надежда, что будет идти дождь.

Мы переживаем самую большую засуху, когда-либо известную в истории этой страны. Тут недавно я услышал гром, и мне показалось, что я в другой стране, как в тот раз, когда я впервые был в России и увидел снег, вдруг я увидел снег, я никогда его не видел, так вот, я испытал почти то же удивление, когда несколько недель назад услышал гром; обычно гром сопровождают дожди, и немного покапало, я видел тучи, и мне показалось, что я за границей, потому что в этой стране нет дождя уже несколько месяцев; недавно прошли дожди, но не на востоке страны; там страшная засуха, сейчас сотни тысяч семей получают воду, доставляемую на грузовиках, миллионы животных получают воду в цистернах. В настоящий момент мы в срочном порядке строим многочисленные водопроводы с пластмассовыми трубами, из ПВХ, чтобы быстро построить и установить их для снабжения водой, сейчас, когда цены на топливо возросли, не говорю, что оно дорогое, но цены возросли, и с каждым разом все больше конкурентов, борющихся за это топливо.

Подсчитайте, сколько грузовиков перевозят воду. Я говорю - почему? Не надо дожидаться греческих календ – ведь правда, что всегда приходится упоминать греков, - это надо решать сейчас. Такая засуха как эта заставляет сказать прощай не только оружию, как хотел Хемингуэй, оружию мы пока не можем полностью сказать прощай, - сказать прощай идее жить за счет сахарной промышленности, сахарного тростника; сахарному тростнику нужна вода. Мы заполнили эту страну водохранилищами, чтобы производить воду, а они пустые; в виде исключения есть только одно водохранилище, находящееся в стороне, там есть еще немного воды, но мы не теряем надежды, мы надеемся, что пойдет дождь.

Вижу, например, что в Венесуэле идут сильные дожди, Венесуэла - это пример. В одном месте идет больше дождей, чем надо, а в другом - мало. В климате царит беспорядок, это самое малое, что можно сказать, это последствия загрязнения окружающей среды. Поэтому я говорил, не будут ли высокие цены способствовать тому, чтобы сумасшедшие стали чуть более разумными, чтобы сумасшедшие перестали транжирить природные ресурсы и разрушать природные условия жизни на планете, чтобы цивилизации существовали и могли вести диалог, ведь для того, чтобы вести диалог, надо прежде всего жить. Не будем забывать того философа, который сказал: «Я думаю, значит существую». Также можно бы сказать: чтобы думать, надо существовать, чтобы вести диалог, надо выжить, а чтобы выжить, действительно надо бороться.

Я не преувеличиваю и твердо убежден, что не преувеличиваю, когда говорю, что мы должны бороться и бороться очень упорно, повторяю, если мы хотим, чтобы цивилизации выжили, и нечто большее, чем цивилизации, чтобы выжил вид – носитель этих цивилизаций, со всеми его дефектами и ошибками. С этой точки зрения я размышлял над диалогом, который вы провели, и встречей, на которую вы собрались, и той, что состоится в будущем году в Греции, на ней я, к несчастью, не смогу присутствовать, если меня пригласят, поскольку несмотря на все приглашения мне запретили поехать на Олимпийские игры. Не то, чтобы мне сказали, что мне там быть запрещено, хотя мне много чего запрещено в этом мире: мне запрещено жить, я постоянно должен изворачиваться, более или менее выживая; я должен оставаться в живых, потому что все время кто-то желает, чтобы я не выжил, и делает все возможное для этого; сейчас меня чуть больше оставили в покое, я уже в определенном возрасте, и они думают, что это решит природа, но я знаю, какие они нетерпеливые (Смех). Нельзя зевать, понимаете?

Я прочитал в одной газете: «Кастро не был приглашен». Это неправда, потому что кто-то в одной газете, клеветник, сказал что-то о том, что Кастро будет присутствовать на Олимпийских играх, и сразу же представители правительства, не знаю, какого правительства, потому что даже не знаю, какая партия там правит, и меня это не интересует, извините меня за неуважение, не знаю, кто там у власти – левые или правые; ну, хорошо, вы знаете это лучше меня, я не знаю, новое ли там правительство, прошли ли там выборы, были ли изменения. Мне все равно, потому что мне было бы жаль, если бы меня пригласили на одну из таких конференций и я не смог бы поехать, хотя человеку приходится избегать множества препятствий, поскольку за ним везде охотятся. Некоторые препятствия для меня остались, меня заставляют летать на двух самолетах, хотя, как вы знаете, я один из самых «состоятельных» людей в мире. Знаете, это один американский журнальчик, которому я чем-то досадил, который хочет свести со мной счеты, я в эти дни очень занят другими делами, но они получают должный ответ, они уже несколько лет рассказывают эту басню и заставят меня высказаться. Что тут поделывать? Я отвечу, но я не тороплюсь, у меня гораздо более важные дела. Прямо завтра мне предстоит заняться очень важными делами, я сейчас занимаюсь важными делами и не хочу терять ни минуты.

Но хорошо, я говорил вам, что вы должны знать, что я один из самых состоятельных людей в мире, этот дворец, где вы собрались, мой, так что не забудьте заплатить. Я не знаю, взяли ли с вас плату туристические организации, но знайте, что этот дворец – мой. Да, все исследовательские центры мои, мне принадлежат все школы и все больницы, которые мы строим, мне принадлежат десятки тысяч врачей и сотни тысяч специалистов с высшим образованием, которых подготовила Революция. С этой точки зрения я хозяин этой страны, даже те немногие рыбы, которые остались здесь, которые еще остаются – они мои, понимаете? Птицы, которые прилетают и улетают, которые пролетают над этой страной, мои; говорят, что даже этот дворец мой, это мой бизнес. Это смешно, верно? Однако хорошо смеется тот, кто смеется последним (Аплодисменты). Я этому журнальчику нанесу небольшой удар, удар шпагой, так что они пожалеют. Нет, не хочу сейчас говорить об этом, не хочу отвлекаться.

Однако я его предупреждаю, раз заговорил о состоянии. Итак, я один из самых состоятельных людей. Кажется, я нахожусь на шестом месте; я не знаю, на каком месте находишься ты, но здесь говорили, что ты человек, который честно, будучи предпринимателем, добился больших успехов. Ну а что с Биллом Гейтсом? Говорят, что он один из самых богатых людей, кажется, сейчас у него появились некоторые соперники, так или иначе, но непозволительно, чтобы я был хозяином этого, непозволительно, чтобы я был богачом, говорю это со всей откровенностью, это непозволительно, я не имею права быть богачом.

Когда я был ребенком, у моего отца были кое-какие деньги, и говорили, что я богач; богач на уровне латифундии - это отнюдь не богач на уровне Билла Гейтса. Но я не богач и не имею права быть богатым. Но хорошо, я здесь и комментирую эти темы с вами. Однако я должен летать, как я сказал, на двух самолетах, потому что если меня ждут с нацеленной стрелой, стараясь угадать, какой самолет мой, чтобы сбить его, я должен произвести определенный маневр, чтобы запутать их, иногда мой самолет приземляется первым, затем садится второй. Были случаи, когда я вылетал из нескольких мест и говорил: «Погасите все огни», поскольку представляю себе, что такое человек со стрелой. Так что если вы приглашаете меня ехать туда, знайте, что это будет ценой моей жизни, и по правде говоря, я ценю ее сейчас, как никогда ранее, знаете, почему? Да потому, что то небольшое время, которое мне остается, я хочу посвятить со всеми своими силами и опытом, накопленным за много лет, тому, что мы делаем сейчас; но мне не надо много, будет достаточно всего двух-трех, извлечем всю пользу из почти 50 лет, проведенных на этой работе (Аплодисменты).

Да, я говорю, что много мне не надо, но это не значит, что я буду дрожать, если завтра умру; нет, нет, нет, у меня все в порядке, я обладаю огромной способностью к покорности и терпению, но я полон большого энтузиазма в отношении того, что мы делаем в этот момент, и об этом, если вы хотите, если у вас есть терпение, и так, чтобы кончить, скажем, до 20.00 часов, я расскажу вам, затронув некоторые другие темы, которые вас могут интересовать. Я пришел сюда не затем, чтобы говорить о вещах, интересующих только меня, я постарался угадать, что может интересовать вас, я постарался воспользоваться некоторыми вашими мыслями, но, думаю, вы задавали вопросы и обсуждали аспекты, отличные от этих тем. Я начал немного философствовать о цивилизациях и дошел до того, о чем сейчас говорю.

Мне кажется, что самое главное, о чем я мог бы сказать, это мое убеждение в том, что выживанию рода человеческого грозит опасность, и реальная опасность. Поскольку вы совершили такой длинный путь и запаслись таким сверхтерпением, чтобы подождать, пока я скажу вам несколько слов, я почти, если скажу кое-что важное, то самое важное, что я могу сказать, - это то, что я разделяю это чувство и убежден, причем мое убеждение основано не на фантазиях, а на фактах, на расчетах, на математике, - что человечеству грозит опасность, что надо спасать не только мир, надо спасать род человеческий, и думаю, что его можно спасти. Я не говорил бы об этом, если бы был пессимистом, если бы думал, что у этой проблемы нет решения, но я думаю, что оно есть, и я привык сталкиваться с трудными проблемами, я не

человек, что-то себе воображающий; думаю, что решение имеется, а это самое важное, но я могу поговорить с вами на некоторые другие темы.

Одним словом, я хотел сказать, что ему не давали разрешения на поездку, потому что он ехал на Кубу, его там остановили, и тогда он выразил свою добрую волю. Я пользуюсь этим, подсчитываю, проверяю подсчеты. Нет, я не собирался ехать на Олимпийские игры, поскольку нам надо решать действительно трудные вопросы; я не ездил даже на Олимпийские игры в Москве, а на Олимпийские игры в Барселоне попал, потому что проходила международная встреча, нас повезли туда, и я был на открытии. Что я действительно знаю, – так это число медалей, полученных кубинскими спортсменами; в спорте Куба имеет самое большое число золотых медалей на душу населения, олимпийских медалей всех видов. Разумеется, я говорю это не из шовинизма, хотя иногда мы - спортивные шовинисты; я не являюсь шовинистом даже в спорте, правда, что я волнуюсь, когда играет своя команда, это логично, но нет, я всегда могу признать заслуги и способности противника, побеждающего нас в честной борьбе на спортивном соревновании, это не касается бокса – в боксе у нас крали золотые медали в огромном количестве, потому что в боксе преобладает мафия. Есть виды спорта, где преобладает не олимпизм, а мафия.

В общем, я хочу вам сказать, что цену Олимпийские игры, хотя проводить их могут только богатые страны – это должен быть Нью-Йорк, Соединенные Штаты, Япония, Австралия или другие страны с высоким уровнем развития. Греции чудом предоставили право их провести, это произошло потому, что они изобрели Олимпийские игры более 2000 лет назад. Человек, прибежавший, чтобы сообщить о результате битвы... Какая это была война из стольких войн? Одна из стольких битв, одна из тысяч битв, если человек посвятил себя почти только этому. (Кто-то ему говорит: «Марафонская битва»). Так она называлась.

С другой стороны, в Фермопилах один крестьянин сказал человеку о 2 миллионах солдат. Эта цифра - 2 миллиона - нереальна. Когда в начальной школе я учил историю, я думал, что это правда, что там действительно прошло столько человек. Однажды, посещая Турцию, где проходила международная встреча, я пересек Босфор, где, как говорят, поставили корабль к кораблю, чтобы по ним прошла армия Артаксеркса в 2 миллиона человек, и спартанцы, всего 300 человек, ждали ее в Фермопилах. Спросите в Генеральном штабе Соединенных Штатов, как можно поставить 2 миллиона человек. Чтобы поставить 2 миллиона человек, требуется весь торговый флот, вся авиация и намного больше, если они едут со своей «Кока-колой», мороженым, прохладительными напитками и первоклассной едой. Не знаю, как питались те персидские солдаты.

Но было другое сражение из многих, данных греками, вот тогда и произошло то соревнование по марафону. И раз вы были основателями Олимпийских игр, и при поддержке всех, нас в том числе, потому что мы защищали право греков провести у себя Олимпийские игры; однако Греция – это единственная страна, которая, не являясь мультимиллионером,

удостоилась права проводить Олимпийские игры, потому что ей повезло 2000 лет назад получить добрую весть о победе в битве против одной из империй той эпохи. Какая жалость! Потому что на Пляя-Хирон мы тоже могли бы послать бегуна, чтобы он со всей скоростью доставил в Ориенте весть, что войска наемников были разбиты менее чем за 72 часа, это тоже одна маленькая битва, в которой Революция победила войска наемников, сопровождаемые эскадрой Соединенных Штатов. Это была небольшая, но заслуга, однако нам тогда не пришло это в голову. Дело в том, что были телефоны, радио и все такое, и никому не надо было бежать, а ведь здесь тоже была такая же могущественная империя, как та. То была небольшая битва, битва при Пляя-Хирон, Марафон-Хирон, можно было бы даже более или менее сочинить стихотворение, это рифмуется, в стране, столь богатой поэтами как наша.

Ну, хорошо, по этой причине им дали право провести Олимпийские игры. Сейчас уже идет спор, касающийся крупных инвестиций. Надо быть мультимиллионером. Китай добился права на проведение Олимпийских игр в результате тяжелой борьбы и после того как превратился почти в самый главный локомотив мировой экономики. Они добились права на проведение Олимпийских игр 2008 года. Я не знаю, кто перещеголяет китайцев в организации такого зрелища как Олимпийские игры.

Простите меня за дурную привычку всегда говорить то, что думаю, то, что считаю правдой.

Но хорошо, я увлекся темой, чтобы объяснить вам свою оценку, важность, которую я придаю этой встрече, то есть, я действительно хочу призвать вас к тому, чтобы вы продолжали бороться, чтобы продолжали делать то, что делаете.

Среди рассмотренных здесь тем есть очень важные: темы региональные, темы международные, темы, связанные с миром. Надеюсь, что выступления будут опубликованы в трудах встречи и станут известны многим, не останутся в кругу малого числа людей. Обсуждения мне кажутся очень ценными, очень свободными. Каждый выражал свое мнение безбоязненно, в том или ином смысле; каждый высказал свою правду, и я думаю, что это стоит того, и могу предложить вам всю нашу поддержку, все наше сотрудничество, насколько это в наших силах.

Это является своего рода оценкой. Чувства здесь не говорили. Чувства заговорили, когда выступил Ретамар и, среди прочего, выразил радость кубинцев, вызванную присутствием на этой встрече стольких представителей России.

Я вспомнил общую историю, прожитую нами вместе за 30 лет. Для нас было очень важным российское сотрудничество, в то время советское, так как существовало Советское государство, теперь ставшее Российским. Действительно, Российское государство унаследовало практически все основные полномочия и обязанности Советского государства, его место в Организации Объединенных Наций, его прерогативы как могущественной страны, и сейчас

перед ними стоит задача его защитить, поскольку несомненно имеется риск, что воспребладеет эгоистичная империалистическая политика, политика безответственная, политика воинственная. Все мы рискуем, не только кубинцы, но и корейцы, россияне, китайцы, весь остальной мир. Пусть никто не воображает, что европейцам ничего не грозит, тем более в то время, когда экономическая и торговая конкуренция, соперничество в борьбе за обеспечение сырья, энергии и природных ресурсов среди тех, кто хочет иметь все, становится все острее. Я не говорю об американском народе, которым мы искренне восхищаемся, и это не просто дипломатические слова.

Мы никогда не культивировали ненависть, никогда не поощряли какой бы то ни было шовинизм, фанатизм, фундаментализм. Это они фундаменталисты войны и насилия.

Когда я говорил здесь и упомянул двадцать первое июня - день внезапного и превентивного нападения на Советский Союз, - я подумал, что эти слова я слышал совсем недавно в одной военной академии Соединенных Штатов, когда главный лидер той другой могущественной страны сказал офицерам, что они должны быть готовы для внезапного и превентивного нападения на любой глухой уголок мира, в определенный момент он говорил о 60 странах или более, и мы, слушавшие его, знаем, что являемся одним из наиболее глухих уголков мира, если судить с позиций специфики этой страны, фундаментализма, технологии, взглядов и, скажем, невежества, поскольку надо упомянуть слово невежество. Невежество означает не знать решительно ничего об этом мире, о его проблемах, его действительности. Невежество, повторяю. То невежество, которое я имею в виду, означает не знать решительно ничего, и плохо обстоят дела в мире, если самой могущественной сверхдержавой из всех, когда-либо существовавших, способной уничтожить планету десять или двадцать раз, руководят люди, не знающие решительно ничего. От этого впору преждевременно умереть от сердечного приступа, если бы наше сердце не было здоровым, если бы наша сознательность не была тверда.

Я вам говорил, что человечество должно быть спасено. Думаю, что только сознательность является оружием, при помощи которого это человечество можно спасти.

Я выражаю эту мысль, рассуждая последовательно. Я говорил о человеке, о долгой и в то же время короткой истории человеческого рода, который 200 лет назад состоял из 1 миллиарда человек; человечеству потребовались десятки тысяч лет, чтобы достичь этой цифры в 1 миллиард, потом за 130 лет число обитателей земли достигло 2 миллиардов, и всего за 30 последующих лет - 3 миллиардов, затем за 10 лет оно возросло с 5 до 6 миллиардов. Не будем забывать этого. Сейчас на земле более 6,5 миллиарда жителей. Тот, кто знает, какая бедность, отсталость, голод, болезни, нехватка жилья, гигиены и здравоохранения есть в этом мире, где в некоторых странах Африки продолжительность жизни уже равна 36 годам, а в ближайшие 10 лет она может составить 30, поражается. Я говорю о человечестве, которое столкнулось с проблемами, невиданными ранее.

Я говорил вам о войнах. Я мог бы сказать, как говорил многим товарищам, что этот человеческий род эволюционировал, создал человека, и человек – это действительно чудо, достойное того, чтобы выжить.

Я глубоко верю в человека, в способности человека.

Почему для нас до настоящего времени воспитание является главным? Потому что человек рождается, полный инстинктов. Воспитание – процесс внушения ценностей этому существу, которое рождается, полное инстинктов. Не воспитывайте его, оставьте его одного в инкубаторе, в машине, которая будет за ним ухаживать и кормить его, и увидите, какое будет у него воспитание, сможет ли оттуда появиться существо, подобное тому, что создало воображение американских кинематографистов: Тарзан, человек-обезьяна из фильмов нашего детства, родившийся неизвестно как где-то в Африке, и так нас воспитали на примере Тарзана, разумного человека, живущего в окружении племен, у которых все время стояли на огне котлы, чтобы варить друг друга.

Да, потому что эту идеологию нам внушили, когда мы были детьми, нам внушили, что африканцы - людоеды, что они едят друг друга; да, мы видели массу фильмов про это, все мы должны бы были стать расистами и свержающими, потому что смотрели такие фильмы, понимаете?

Да, мы получили смертельные дозы варварства, мы получили смертельные дозы бескультурья, смертельные дозы лжи, и тем не менее, это не смогло разрушить идеи в нашей стране.

Но вот это я и говорю: образование – это внушение положительных ценностей, созданных человеком; этих ценностей, о которых я говорил, что их необходимо объединить. Так вот, для нас создание и сложение ценностей было самым главным вопросом.

Что возобладает в мире – ложь или внушение ценностей? Будет ли человек способен сделать так, чтобы возобладали ценности, настоящие ценности, или победит ложь? Надо быть владельцем крупных телевизионных каналов? Это обязательно? Нет, будем же хозяевами знаний, даже если нас - меньшинство; будем же владельцами информации; будем же общаться друг с другом при помощи тех самых технических средств, поскольку каналам лжи могут противостоять каналы, состоящие из компьютеров, при помощи которых человек может общаться и обмениваться мыслями с тем, кто живет в Австралии, в Соединенных Штатах, в любом уголке земного шара.

Я думаю, что человек также создал технологию, при которой можно добиться, чтобы возобладала правда.

Мы, например, использовали телевидение. В нашей стране недавно было два телевизионных канала, сейчас их стало четыре, и 62% телевизионного времени на Кубе занимают образовательные программы, то есть распространяющие образование, культуру и информацию, причем здоровую культуру, они могут быть развлекательными, но мы также стараемся, чтобы культура была орудием образования, мы стараемся, чтобы культура внушала ценности, стараемся, чтобы здесь увидели хороший фильм, созданный в любой стране мира, чтобы узнали его достоинства и кто его создал.

Мы уже не обучаем чтению и письму по телевидению, это не нужно. По телевидению мы преподаем предметы высшей школы, университетского уровня, иностранные языки, используем данные средства в этих целях. Эти средства, радио и телевидение, если их хорошо использовать, могли бы покончить в мире с бедствием неграмотности.

Почему до сих пор еще есть 800 миллионов неграмотных и миллиарды полуграмотных? Если есть радио, если есть телевидение, почему существуют миллиарды неграмотных и полуграмотных? Вот вопрос, который мы можем себе задать. Есть средства для искоренения неграмотности за несколько лет.

Незачем было ЮНЕСКО полвека твердить об искоренении неграмотности, к чему? - если доказано, что неграмотность можно искоренить даже по радио.

У Кубы была программа обучения чтению и письму по радио в Гаити, прекратившаяся вследствие последней оккупации. Вместо нее примерно 500 кубинских врачей оказывают медицинскую помощь в этой стране, которую все способны занимать, но никто не может направить туда хоть одного врача. Куба никогда не посылала в Гаити ни одного солдата, зато там уже много лет находятся сотни ее врачей. Кроме того, сотни молодых гаитянских врачей, подготовленных на Кубе, работают вместе с нашими врачами.

До начала последней оккупации Гаити, о которой я говорил, силами ООН под давлением Соединенных Штатов, число гаитян, учившихся своему языку по радио, уже достигало сотен тысяч. Теперь программа прервалась, врачи, подвергаясь опасностям, продолжают находиться там. Они по радио изучают язык Гаити, креоль.

Здесь более миллиона кубинцев научились английскому языку по телевидению, и были курсы французского, португальского и других языков. У нас есть эти и другие телевизионные образовательные программы, мы в полной мере пользуемся этими средствами.

Однако необходимо не только ликвидировать неграмотность на учебном уровне, но и практиковать и продвигать ликвидацию политической неграмотности.

Вы говорите о диалоге цивилизаций - как вы хотите, чтобы вас понимали? Я спрашиваю себя, поймут ли неграмотные ваши идеи и в каком месте мира, если есть миллионы

неграмотных в странах третьего мира плюс миллионы неграмотных и полуграмотных, существующих в развитом мире; в Соединенных Штатах, например, есть большое число неграмотных и большое число функциональных неграмотных, такова действительность - развитые страны, где есть функциональная неграмотность, даже полная неграмотность, в самих Соединенных Штатах больше, чем в Европе.

Как вы хотите, чтобы ваши идеи поняли неграмотные люди, не умеющие читать и писать, - и политические неграмотные? Вы думаете, что эти люди, день за днем слушающие истории, которые рассказывают им в этих средствах массовой информации, поймут ваши идеи? И однако надо сделать так, чтобы идеи дошли.

Так вот, идеи не дойдут просто потому, что вы их разработаете и передадите. Здесь я возвращаюсь к мысли о кризисах, под влиянием кризисов идеи будут переданы и поняты.

Пусть никто не думает, что это бурление Латинской Америки, о котором говорили здесь некоторые латиноамериканцы, о котором говорил здесь посол Венесуэлы, о котором говорил здесь Вильегас... - я его не видел, он где-то здесь,

Владимир Вильегас. Я здесь.

Фидель Кастро. Дело в том, что ты по телевидению выглядишь одним образом, а здесь иначе.

Владимир Вильегас. Моложе.

Фидель Кастро. Это ты так думаешь, молодой здесь я (Смех).

Я тоже думаю, что я моложе, но ты действительно молодой, говоря объективно, и я тебя поздравляю, у тебя много времени впереди, используй его с толком, это то, о чем я могу тебя просить.

Но не думайте, что это бурление началось случайно, оно порождено кризисом в стране, обладающей самыми богатыми ресурсами в Латинской Америке, в стране, имеющей, возможно, наибольшие запасы топлива в мире, в стране, откуда улетучилось 300 миллиардов долларов, которые стоили в десять - пятнадцать раз больше, чем стоят сейчас; это если подсчитывать начиная с 1959 года, когда к власти пришло правительство этой лицемерной олигархии под маской демократического, под маской прогрессивного, до настоящего момента прошло 40 лет, стоимость исчезнувших денег в пересчете на реальную покупательную способность превышает 2 триллиона долларов. Это сумма, извлеченная только из одной страны. Произведите, если хотите, операцию сложения в уме, поскольку это единственный способ все сложить, даже компьютеры не могли бы дать точных цифр, потому что там столько нулей, что люди уже отбрасывают их все, это то, что обычно делают, когда умножают в уме.

Сколько денег вывезли из Бразилии? А сколько из Мексики? Из Аргентины? Сколько вывезли из Колумбии, Перу, из всех остальных латиноамериканских стран? Надо подсчитать. У нас есть люди в нашем Центральном банке, они делают подсчеты, стараясь раскрыть тайну, всматриваясь в головокружительные триллионные цифры, чтобы узнать, насколько был девальвирован sucre в Эквадоре или мексиканское песо в такую-то эпоху, или боливар в другие времена, хотя пока еще известно, что венесуэльцы получили в наследство девальвированный боливар, или бразильская валюта, которая дошла в один момент до того, что доллар был равен единице и более пяти нулям справа.

Невероятно, но с этим феноменом знакомы страны третьего мира, это простейший механизм, посредством которого вывозят деньги, потому что никакая валюта никакой страны третьего мира не является надежной.

Таким же образом они поступили и с Россией. Деньги, нажитые как честно, так и нечестно, вывозят из страны, потому что это уже не золото, которое можно закопать в кувшине, а бумага, и эта бумага обесценивается с каждым днем, вы хотите подстраховаться и обмениваете эти деньги на твердую валюту, наверное именно так сделал я, чтобы сохранять знаменитое личное состояние, которое мне так нелепо приписывают. Да, обменять эти деньги на конвертируемую валюту и положить в какой-нибудь банк. Нет, я действительно знаю, где я его храню. Я послал его на Марс, оно находится на Марсе, там его могут найти, ЦРУ может найти его там, если захочет; я открою ему секрет – дело в том, что я точно не помню, где я действительно спрятал свое состояние, может быть, я поделил его между Марсом и Луной, чтобы оно находилось там в надежном месте и чтобы в четвертом, пятом или десятом своем перевоплощении я смог нанять самолетик и слетать за ним.

Да, раз мы уже заговорили о валюте и деньгах, так вот, деньги, нажитые как честно, так и нечестно, вывозятся из страны, и они вынуждены это делать, потому что существует всемирный экономический порядок, жандармом которого является учреждение, именуемое Международным валютным фондом, оно обязывает государства вкладывать свои резервы в иностранные банки; когда кто-то приходит с бумагами и говорит: "Я их забираю", то куда он их вывозит? Если он поступит иначе, его осудят, не дадут ни сентаво. Эти методы существовали, когда они были сверхмогущественными; к счастью, они становятся все менее могущественными. Видна возрастающая слабость системы, неспособной предотвратить спады, и возрастающая слабость финансовых механизмов, на которые она опирается. Этот порядок можно поддерживать только при помощи ядерного оружия, телеуправляемых ракет, бомбардировщиков -невидимок, оружия, которое может находиться на расстоянии 5 000 километров и поразить бейсбольное поле или третью базу этого поля. Все это поддерживает этот порядок, поддерживает этот грабеж, эту попытку завладеть всеми богатствами планеты, где бы они ни находились, не только вырывая их из окружающей среды, как в Аляске, где может наступить день, когда не будет льда, как может наступить день, когда не будет льда в Антарктиде, и миллионы квадратных километров льда растают, и многие острова окажутся под

водой; может быть, нужно построить дамбу недалеко от того места, где мы здесь находимся, чтобы подготовиться на момент, когда растает лед; но те, которые там побывали, знают, что лед тает быстро, они знают это, это правда; так же, как ледниковая шапка, покрывающая Гренландию, это не вымысел, это не ложь.

И вот у природы отнимают равновесие, а у государств отнимают их природные ресурсы, в первую очередь, энергетические. Но такой миропорядок можно поддерживать только при помощи оружия, однако оружие становится все менее действенным вследствие роста сознательности и благодаря исключительной способности человека мыслить, размышлять, приспосабливаться к конкретным условиям любой определенной исторической эпохи.

И вот так вы, русские, что вы сделали, когда нацисты напали на вас и когда их бронеколонны проникли в глубь страны? Русские не сдались, они боролись, сражались, чтобы соединиться со своей армией, или сражались в лесах. Это не было: «Мы сдаемся», вновь подчеркиваю это; они приспособились, уехали в Сибирь и увезли с собой станки. Я знаю о заводах, которые начали работать в Сибири без крыш, в снегу, выпуская оружие, когда промышленная часть страны оказалась оккупированной и разрушенной.

Вам пришлось отходить, и вы отходили настолько, насколько было необходимо, пока не нашли точку равновесия. И все знают, что произошло потом. Я много размышлял над всеми теми историческими событиями, мы были в опасности; но никогда нас не застали врасплох неожиданные атаки, мы всегда были предусмотрительными на земле и под землей.

И я могу заверить вас, что эту страну не сможет оккупировать никто. Хорошо бы, нам никогда не пришлось этого доказывать, потому что мы знаем, чего это будет стоить; но говорю вам, что этот город нельзя занять. Это город сотен тысяч бойцов, которые умеют его защитить, где нет ни одного неграмотного, предупреждаю об этом; здесь у самого малообразованного девятиклассное образование, любой умеет, обращаться с минометом, орудием или любым другим подобным видом оружия.

Я спрашиваю себя: иракские солдаты, которые оборонялись в Фаллудже и массу дней оказывали отпор танкам и самому современному оружию захватчиков - какое у них было образование? Я знаю только, что они сражались несколько недель, и затем американская армия заняла, как мне кажется, те места, где она не могла ни уйти, ни остаться; не могла остаться, потому что была нужна в других местах, и не могла уйти, потому что противник возвращался.

В действительности говорю вам, человек приспосабливается, человек сопротивляется. Империалистам никогда не приходилось сталкиваться со страной в таких условиях, в каких им сегодня пришлось бы иметь дело с Кубой, и оружия у нас достаточно, и мы продолжим вооружаться. Мы накопили столько оружия, что, наверное, остров за последние годы на полдюйма погрузился в воду от множества танков, орудий, оружия, доставленного на нашу родину.

Агрессор знает, что здесь живет народ, готовый бороться и защищать свою родину. Это мощнее, чем ядерное оружие, чем 1000 единиц химического оружия. Для чего нам ядерное оружие? Нам, маленькой стране, никогда не приходила в голову эта глупая мысль, это значило бы разориться, чтобы обладать оружием, годным только для самоубийства, потому что - как его перевозить? Мы не будем вступать в игру, которая на руку империализму.

Поскольку вам интересно узнать кое-что о Кубе, я вам расскажу.

Нам не нужно оружие массового уничтожения, чтобы защищаться; что мы модернизировали, так это тактики, роль человека, отдельного бойца, взаимодействие бойцов, каким образом, какой тактикой, каким оружием нейтрализовать самое мощное, что может иметь противник.

Хочу вам сказать, что наша страна достигла того, что можно назвать военной неуязвимостью, и в данный момент она стремится, наряду с укреплением военной мощи, к достижению экономической неуязвимости, вот две концепции. Было легче достичь военной неуязвимости, чем экономической.

Человечество может спастись, потому что империя переживает глубокий кризис; без кризиса не бывает изменений; без кризиса не формируется сознание; один день кризиса стоит в плане формирования сознания больше, чем 10 спокойных лет, чем 10 лет без кризиса.

Взгляните на Венесуэлу, эту страну, о которой говорилось, что из нее вывезли миллиарды долларов, из этой такой богатой страны, это страна, где различие между богатыми и бедными особенно велико, в этой стране 17 миллионов граждан живут в бедных кварталах, в маргинальных кварталах, без этого нельзя объяснить себе революционный боливарианский процесс; ни посол, ни журналист не смогут хорошо его объяснить, и наверняка они объясняют это правильно, это просто накопившаяся несправедливость. Без накопившейся несправедливости нельзя объяснить победу левых в Бразилии, победу Лулы, я знаю, что это вы тоже обсуждали, был доклад и высказывались мнения. Здесь проходили встречи, на которых все это также обсуждалось, мы выразили свое мнение, президент Чавес - свое, мы не настроены пессимистически в отношении бразильского процесса.

Сегодня в Национальной ассамблее Венесуэлы выступал глава одного европейского правительства, правительства Испании. Дело в том, что вчера собрались там, в Гайане, президент Венесуэлы Уго Чавес; президент Бразилии Лула да Силва; президент Колумбии и глава правительства Испании.

Очень хорошо, что там был президент Колумбии, потому что кое-кто хотел бы разжечь войну между Колумбией и Венесуэлой, и многие из нас очень ясно понимают, что это менее всего полезно этому полушарию, менее всего полезно обоим народам и обеим странам, и мы знаем, что кое-кто хочет разжечь эти конфликты, но оба правительства приложили усилия и

уладили этот инцидент. Вчера они встретились там, на глазах общественности, в ходе публичных дебатов, и глава Испании тоже там был, и президент северного соседа, кажется, он сделал заявление.... А! он уже заранее сердился, делал заявления: "Что делать Сапатеро в Венесуэле?". На севере едва ли не сказали: «Сапожник, знай свой сапог», есть такая испанская поговорка: «сапатеро» по-испански сапожник, и вот на севере чуть-чуть не сказали: «Сапожник, знай свой сапог». Потому что они ему сказали: что вы делаете в Венесуэле, если там нет никакой демократии, если там выступают против свободы слова и против всего остального?

Сегодня я занимался ходьбой и собирался ходить более интенсивно, но я стал ходить кругами и слушать по громкоговорителю речь Сапатеро в венесуэльском парламенте, она привлекла мое внимание, мне показалось, что это хорошая речь. Это мое мнение.

Я ее перечитаю, потому что пропустил небольшую часть; то было выступление в духе мира, смелое выступление.

Сейчас его обвиняют чуть ли не в разжигательстве войны, потому что он продал Венесуэле несколько патрульных катеров, чтобы охранять побережье от контрабандистов и торговцев наркотиками; нет, нет, они не хотят, чтобы у Венесуэлы были суда, патрульные катера, другое оборудование.

Кроме того, они тоже имеют право на оборону, разве на Севере просят у кого-нибудь разрешения, когда собираются изготовить ядерное сверхоружие или бомбу, которая уходит в землю на 30 метров, чтобы уничтожить командные пункты? Они ни у кого не просят разрешения; или чтобы создавать противоракетные щиты и устанавливать их где угодно, или даже чтобы запускать оружие в космос, нет, они ни у кого не просят разрешения.

А! но Венесуэла, которой они угрожают, – я имею в виду это правительство - не может купить ни одной винтовки. Нет, она не покупает ни ядерное оружие, ни линкоры, ни авианосцы; она покупает только такую простую вещь как винтовки.

Тогда говорят, что винтовок слишком много, 100 000, на самом деле это очень мало, чтобы защитить такую страну как эта, с населением в 26 миллионов человек, большую страну, патриотическую страну, страну с такими традициями как Венесуэла. По-моему, ей нужны миллионы винтовок.

В России были закуплены вертолеты. Вертолеты - это то, что больше всего требуется в случае наводнения, циклона, землетрясения; они, кроме того, используются для охраны 2 400 километров границ и для пресечения контрабанды наркотиков и контрабанды товаров. Нет, 30 или 40 вертолетов - это ничто для выполнения этих задач.

В Венесуэле – и говорю это не для того, чтобы вы поехали туда туристами, если хотите, то можете ехать, - вода намного дороже бензина. Литр воды может стоить один доллар, а литр

бензина стоит 9 центов. Слушайте, за один доллар, согласно последнему обменному курсу, кажется, он был 2 150 боливаров, и за несколько боливаров вам наполняют бак бензином; но если вы хотите поехать туристами, то поезжайте, между нами и венесуэльцами не существует никакого соперничества в области туризма.

Таким образом многие люди покупают бензин задешево, везут его через границу в Колумбию и продают его задорого, у них еще много подобных явлений.

Враг говорит: «Венесуэла представляет собой опасность для стран Латинской Америки, они должны объединиться в ОАГ, чтобы остановить этот боливарианский процесс, этих сумасшедших, составляющих опасность для полушария». Вот такое говорится против этой страны, откуда вывезли 300 миллиардов долларов.

Никто из них никогда не побеспокоился узнать, сколько умирали в Венесуэле от болезней и какова там продолжительности жизни, какая там детская смертность, сколько людей оставались слепыми.

Знаете, сколько венесуэльцам сделают глазные операции в этом году, согласно переговорам между правительствами обеих стран и заключенному нами соглашению? Сто тысяч.

У нас есть 24 офтальмологических центра, оснащенных самой современной аппаратурой, 600 хирургов, занимающихся всеми глазными болезнями, такими как глаукома, диабетическая ретинопатия и многими другими, которые, если не установить диагноз своевременно, приводят к слепоте. Я говорю о такой богатой стране как Венесуэла. Те, у кого были деньги, не имели проблем, они ездили в Соединенные Штаты, ездили в Европу, мы говорим о бедном человеке из «Внутри квартала», которому не на что было поехать в развитую страну, чтобы сделать подобную операцию.

Сейчас, если желаете, я вам скажу, что по скромным подсчетам 4 миллиона латиноамериканцев ежегодно нуждаются в этой медицинской помощи, а не получив ее, останутся слепыми, - из 550 миллионов латиноамериканцев и карибцев, слепыми! Я не говорю о бомбах над Багдадом, которые убивают женщин и детей и разрушают тысячелетние музеи, разрушают невосполнимые, незаменимые ценности, я говорю о бомбах, которые травмируют, потому что говорят: «Нет, гражданские лица не погибнут», а миллионы детей, женщин, стариков и людей, слышавших грохот бомбардировок, взрывы, ночью и в любое время, неужели многие из них не останутся травмированными на всю жизнь, или мозг не имеет значения, или умственное равновесие не имеет значения, или умственное здоровье не имеет значения, или нервы не имеют значения, дело в том, что в Хартии прав человека ничего не говорится об уравновешенности людей, разуме людей, умственном здоровье людей, кто их содержит, кто их питает? Их не учитывают при подсчете физических потерь, но это потери, они наносят почти

что больший ущерб, потому что эти люди на всю жизнь остаются непригодными, больными без медицинской помощи.

Я только что говорил о слепых в Латинской Америке, о тех, кого установленный мировой порядок довел до слепоты навсегда, и я говорю о 4 миллионах человек. Из чего мы исходим? Из данных по Кубе. На Кубе должны оперировать катаракту около 30 000 человек в год. Конечно, это не накапливается, человек не сразу становится полностью слепым, потому что сначала она появляется в одном глазу, потом может появиться в другом, но надо оперировать 30 000, и от диабетической ретинопатии – ужасной болезни. А сахарный диабет – это одна из болезней, являющихся бичом, в нашей стране не умирают от диабета по простой причине, что им своевременно ставят диагноз и назначают лечение под наблюдением врача, по подсчетам около 50 000 человек должны быть обследованы и получить помощь на случай риска заболевания диабетической ретинопатией.

Кстати, вчера мы как раз беседовали с одним товарищем, и он рассказал мне следующее: «Моя супруга была очень рада, очень счастлива, потому что она пошла в такую-то больницу» - где ей провели обследование, - «она ходила к врачу, потому что говорили, что у нее может быть глаукома». «И что ей сказали, ее обследовали?». Он сказал: «Опасности нет, но если бы она была, то достаточно было бы только обработать глаз таким-то лазерным лучом, и это дает тебе гарантию на всю жизнь, что глаукома никогда не появится». Вот так, такими словами, вот важность диагностики, если не поставить диагноз вовремя, то потом будет поздно; это может быть пятно, связанное с годами, с возрастом, тень, которая растет, и все это лечится лазерным лучом.

В конце этого года наша страна будет располагать мощностями для операций не менее 5 000 или 6 000 пациентов ежедневно, в 24 центрах, которые уже полностью оснащены самым современным оборудованием. Мы пока еще находимся на стадии обучения. Если такая страна как Куба, подвергающаяся блокаде, может предоставлять эту помощь, почему ее не предоставляют другие страны? Вот вопрос, который следует задать. Почему миллионы людей остаются слепыми и кто их лечит. О том, кто остается слепым на Кубе, заботится, по крайней мере, социальное обеспечение. И это тема, которую я буду обсуждать сегодня вечером в 21.00 часов с Государственным советом, с Советом министров, руководством нашей партии, руководством нашей страны, массовыми организациями, комиссиями Национальной ассамблеи, а завтра мы будем рассматривать вопрос, касающийся низких пенсий, и повысим самые низкие 1 800 000 человек.

Несколько дней назад мы провели ревальвацию нашей валюты и девальвацию доллара в нашей стране. Да, из-за сверхпреимуществ, которыми он обладает, и, если хотите, я резюмирую это в одном примере.

Вы знаете, что электричество необходимо, - то, которое выключилось здесь, - и что киловатт составляет 1 000 ватт – надеюсь, вы это знаете, почти все знают, потому что должны это платить, - производство одного киловатта стоит сегодня не менее 10 центов; топливо для производства одного киловатта стоит 9 центов. Хорошо, в силу девальвации валют, в силу этого явления вы за один доллар покупали, до относительно недавнего времени, 27 песо, а три недели назад мы провели переоценку нашего песо на 7%, и стоимость снизилась до 1:25, все это произошло две недели назад, вот что мы сделали с песо.

Неделю назад, завтра будет неделя, мы провели ревальвацию конвертируемого песо, а поскольку у конвертируемого песо есть обменный курс..., то кубинский песо снова ревальвировался на 8%; ревальвировали 15%. И вот за счет этого ревальвированного песо мы завтра увеличим пенсии всем пенсионерам, получающим менее 300 песо, и по категориям: тем, кто получает меньше, увеличат больше; это поколения трудящихся, страдавших от суровой блокады, вынесших лишения. Да, зарплаты увеличивались, но пенсии оставались прежними, потому что не было средств. Самые низкие зарплаты мы тоже пересмотрим.

Я говорю, что если кто-то ослепнет, он, по крайней мере, не останется без помощи; тот, кто попал в аварию, кто остался инвалидом и кто родился с дефектом или приобрел его потом, потому что иногда рождаются с определенными тенденциями, а потом становятся инвалидами, иногда полностью, все получают помощь. И они не только будут продолжать ее получать, но будут получать с каждым разом все больше.

Завтра будет общее повышение более 80% пенсий, с завтрашнего дня, ревальвированными деньгами, и деньги будут продолжать ревальвироваться, это уже кое-что, не так ли?

В других местах люди слепнут, и какое государство им помогает? Какая организация? Разве что церковные благотворительные организации. Сколько слепых ходит по улицам, сколько детей, слепых и инвалидов, моют ветровые стекла машин, просят милостыню?

Мы бросаем вызов тем, кто хочет посмотреть, есть ли в нашей стране дети, которые не учатся в школе, которые бродят по улицам, выпрашивая милостыню, вместо того, чтобы находиться в школе. Мы были бедными, и были очень трудные времена, да, есть некоторые безответственные родители, которые посылали детей выпрашивать у туристов; такое явление будет все сокращаться, потому что у нас все подсчитано математически, товар, цена, стоимость, международная стоимость, доходы, пенсии, потребности человека.

Поэтому я вам говорил, что наша Революция уже накопила определенный опыт и создала условия, необходимые для того, чтобы делать то, что мы делаем сейчас.

Наши продукты питания распределяются нормированно, так будет не всегда, но это было необходимо. Мы жили и живем в условиях войны, длящейся уже 46 лет, и защищаемся от атак

империи. Нам приходилось противостоять кризису, пережить очень тяжелые периоды, и мы все еще находимся в боевой готовности.

Нет сомнения, что эта экстремальная ситуация и кризисы, к которым привела нас блокада, не заставили нас игнорировать американский народ. Американский народ сам отреагирует, потому что в этом народе есть миллионы культурных людей, умных людей, получающих новости через Интернет, которых могут обмануть под влиянием такого драматического факта как разрушение Всемирного центра торговли в Нью-Йорке, в подобном эмоциональном состоянии; но нельзя – как говорил Линкольн – обманывать весь народ все время.

В случае Соединенных Штатов мы могли бы сказать: весь народ каждый день, всех смогли обманывать какое-то время, но они постепенно будут это осознавать. Их собственные ошибки ведут их к кризисам, из которых родится сознательность американского народа.

Это народ тревожится об окружающей среде, ему не нравится, что разрушают Аляску, что отвергают Киотское соглашение, что разрушают национальные парки и используют их под рудники или для добычи нефти.

Существуют ценности, к которым американский народ, как и все народы, относится с уважением, - это, среди прочих, здравоохранение и мир.

Однако до какой степени американский народ имел право на объективную информацию? Ни является ли это грубейшим нарушением прав человека - запрещать всей стране получать объективную информацию?

Прямо сегодня правительство Соединенных Штатов хочет помешать небольшому просвету, открывшемуся в отношении Кубы, когда была разрешена продажа продуктов питания в силу одного закона конгресса, где большинство сенаторов и членов палаты представителей выступило против, попросили отмены блокады, и тот закон, который должен был быть намного шире, был саботирован, его завалили поправками, - это процедура, к которой они прибегают всякий раз, как захотят, - увязывают поправку с основным законом, который не допускает отсрочки, и все члены палаты представителей вынуждены голосовать, но большинство уже против этого закона, и фермеры тоже возражают. Они выдумывают всякое, они изобрели, что оплату надо производить заранее. Я всегда считал, что платить наличными, не задерживаясь ни на секунду, было заслугой, однако нет, это никакая не заслуга; надо платить вперед, вот что они просили. Зачем? Затем, чтобы арестовать наши фонды и не допустить продажи продуктов питания.

Конечно, все мы немного научились и знаем, какой это наносит ущерб, мы измеряем его, рассчитываем, откуда поступает товар, сколько стоит транспортировка, во сколько это обходится и так далее. Мы стали действительно неуязвимыми ко всякого рода изобретениям, и

получается, что все, что они изобретают, им вылезает боком. Так оно и есть, я не преувеличиваю.

Сейчас они пытаются узнать, какими средствами располагает Куба. Они не представляют себе, как мы научились экономить, не представляют, насколько правильно мы научились использовать фонды, основную часть этих ресурсов, экономить вещи. Слишком много людей решало, куда вкладывать валюту, и, естественно, новые ресурсы, есть новые ресурсы; но главным образом это экономия, и этого уже никому не остановить. Это может остановить только война, начатая с тем, чтобы нас уничтожить.

Мы получаем выгоду из нового положения, сложившегося на нашем полушарии, из отношений со странами полушария. Мы очень хорошо знаем, сколько стоит один фунт черной и цветной фасоли; знаем котировку кукурузы на бирже; сколько стоит транспортировка, если мы примем решение затратить средства на нее; знаем, что мы должны делать, и мы совершали затраты, но об этом я не хочу говорить.

Мы принимали меры. Могу сказать вам, например, что мы приобретаем 50% производимого в Уругвае сухого молока – и оно уже должно прибыть, половина продукции сухого молока; правительство, с которым мы недавно установили отношения – это прогрессивное правительство, справедливое правительство, действительно демократическое правительство, при том, как трудно быть демократом в этой системе, потому что говорят о демократии, имея в виду систему. Почти невозможно быть демократом внутри этой системы, только чудом, и когда бомбардируют кандидатов всеми средствами массовой информации - он это знает, Владимир это знает, тебя зовут Владимир, не так ли? Это мне напоминает одно историческое имя, думаю, хорошо известное русским, ты наверняка взял его оттуда; многих русских зовут Владимиром; но он знает - бомбардируя и бомбардируя, создавая условные рефлексы. Одно дело – передавать мнения, а другое – создавать условные рефлексы. Механизм, посредством которого обманывают миллионы людей, - это путем создания условных рефлексов.

Был один выдающийся русский - Павлов, изучавший условные рефлексы, он знал, как заставить танцевать медведя и как заставить почти разговаривать обезьян посредством условных рефлексов, и при помощи условных рефлексов воздействуют на массы, используя современные методы торговой рекламы, передавая политические идеи при помощи методов коммерческой рекламы, создавая условные рефлексы.

Если хотите формировать сознание, вы должны бороться с условными рефлексами, и наша страна научилась бороться с условными рефлексами, потому что, когда победила Революция, у многих кубинских граждан были выработаны условные рефлексы через рекламу, так что эти битвы нелегкие, и так, как президенту Чавесу до сих пор говорят, что он не демократ, пусть говорят, что мы не демократы, ну и чудесно, мы из-за этого не будем спать хуже. Мы знаем, кто мы такие, прекрасно знаем, кто мы такие, что мы чувствуем, что делали

всю жизнь и какие принципы управляли нашим поведением. Что значит политиканство? Это афишки, это покупка голосов. Всем известно, что для того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, надо иметь не менее 300 миллионов, чтобы получить определенный пост, он измеряется деньгами, и те, кто не может собрать 200 миллионов долларов, отказываются от дальнейшего участия посреди кампании; и эту гадость называют демократией. По крайней мере в нашей стране голосует более 95% человек, и у нас нет ни торговой рекламы, ни афишек, загрязняющих улицы и посягающих на умственную гигиену и на пейзаж: «Голосуйте за такого-то, он святой, он попадет в такое-то место в раю. Он никогда не украл ни цента и никогда его не украдет» - и все в таком роде, - «он обладает всеми добродетелями мира". Он чудом не включен в церковные святцы. Итак вся ложь, придуманная в мире, используется методами рекламы, на основе которой осуществляется эта якобы демократия. Я не хочу обсуждать это, но скажу, что хорошо знаю, сколько лжи скрывается за всем этим; однако при всем этом победил Чавес, во время плебисцита победил с огромным преимуществом, а согласно средствам массовой информации, он не демократичен.

Я часами наблюдал по телевидению, как друг, как брат венесуэльцев, даже как исследователь методов и действий сил, враждебных миру и прогрессу народов, и видел, как они работают, это невероятно, и сколько времени теряется впустую.

В нашей стране нет коммерческой рекламы, ее нет, поэтому все, что производит телевидение, приносит ноль ВВП, вклад в ВВП кубинских услуг образования, здравоохранения и досуга тоже почти нулевой, потому что они бесплатные, они не идут в счет; таким образом, тонна цемента может стоить больше, чем жизнь одного человека. Кто-то может спасти жизнь одного человека, потому что, возможно, какой-то врач смог заставить его сердце биться вновь, это дало ему время добраться до больницы, и это стоит меньше одной тонны цемента, потому что ничего не вносит в ВВП.

Надо проанализировать ценности, которыми измеряются литература, искусство, богатство, качество жизни. Качество жизни не фигурирует ни в каком ВВП, человек может попасть в психиатрическую больницу, человек может прожить на 10 лет меньше, потому что его приучили курить и выкуривать по три пачки в день, а потом умереть от рака или от инфаркта. Нет, его не научили гигиене, которую следует соблюдать, если вы хотите прожить дольше. Все знают, что требуется для того, чтобы прожить на несколько лет дольше, что надо есть, какие упражнения надо делать.

Так вот, поскольку мне пришлось коснуться этой темы и поскольку мы являемся большими нарушителями, самыми большими нарушителями, какие когда-либо существовали на земле, я объясняю это, так же, как говорил о слепых и вам рассказал. Понимаю, что вы хотите знать о том, что происходит на полушарии, знаю, что вы спрашивали о том, каким будет его будущее, знаю, что вы ясно видите, что наше полушарие – это будущее.

Это не будущее, но оно призвано играть очень важную роль в мире мирном, в мире диалога, в цивилизованном мире, здесь имеется потенциал, и об этом знают многие, европейцы тоже знают об этом, если бы это было не так, что тогда делал Сапатеро там на встрече, что делал Сапатеро, выступая в Ассамблее с конструктивной речью? И что делал комиссар Европы, посещая Кубу, эту столь дьявольскую страну? Они приезжали сюда, мы их приняли и беседовали с ними, и я им сказал: мы не боимся никаких дискуссий, меньше всего в мире мы боимся дискутировать, разговаривать, потому что мы хорошо знаем, что у нас есть обширный арсенал аргументов, фактов, истории, не басней, не обещаний, а свершений, вещей осуществленных, и мы не занимаемся рекламированием этого, нам это неважно, зачем нам рекламировать то, что мы делаем?

Я присутствовал на 20 встречах и не выступал, но здесь, конкретно, я объяснил вам, как обстоят дела в этом полушарии, о котором вы хотите знать и обсуждали эту тему. Говорю, что вы делаете очень хорошо, потому что если Европа хочет присутствовать и знает, что это полушарие является решающим, это полушарие, с которого ее хотят выгнать, и китайцы знают это, с их тысячелетней мудростью, с их опытом.

Недавно здесь побывал президент Китая, он также посетил другие страны Латинской Америки, посетил Бразилию, посетил Аргентину, а вице-президент посетил Венесуэлу и страны Карибского региона. Тогда я спрашиваю, неужели русские будут отсутствовать в этом полушарии? Вы очень правильно поставили вопрос о том, что Россия не должна отсутствовать в этом полушарии. Это полушарие, которое сыграет решающую роль в будущем и которое империализм хочет контролировать в течение неопределенного срока, но они смогут делать это все меньше, я вас заверяю, все меньше, потому что сердца народов этого полушария нельзя завоевать духом захвата и грабежа. В это полушарие надо приезжать, чтобы давать и получать или, если хотите, получать и давать. Думаю, что в это полушарие - а я отнюдь не представляю это полушарие, но имею право думать, что сейчас сюда можно приезжать только для взаимобмена, только чтобы объединять, можно приезжать только чтобы помогать и получать помощь; содействовать и получать содействие, делиться тем, что имеешь, и объединяться не только в поисках материальной и экономической выгоды, но также в поисках мира, в поисках сил, которые будут способствовать преобладанию в мире здравого смысла и мира, в поисках сил, которые помогут спасти цивилизацию, о которой вы говорите. Я это знаю очень хорошо, и когда читал резюме, знаю, что некоторые из вас выдвинули эту тему. Да, я не вижу другого пути.

Знаю, что недавно в Европе президент России встретился с президентом Франции, с премьер-министром Германии и с другим президентом, сейчас не помню, каким, и руководители соседней северной страны не очень радовались этому.

Однако смотрите: там в Париже встретились четыре президента – китайского чудом не было там, китайский президент участвует в любых встречах; собрались там, в Венесуэле, на

родине Боливара, президент Аргентины, президент Колумбии, президент Венесуэлы и президент Испании, видите, как общаются души, течения; идеи путешествуют и летают, и это единственное, что движется быстрее света, быстрее электричества. Идеи летают, и это идеи, все наблюдают, что происходит повсюду. Бросаются туда, чтобы создавать конфликты, способствовать разделению, разжигать войны, потому что в момент, когда такая страна как Китай поднимается с такой силой, идеальным для империализма было бы разжечь там войны, отколы, конфликты, которые прервали бы чрезвычайное развитие этой страны.

Все знают, что экономическая конкуренция приводила к войнам, эти колоссальные торговые дефициты и эти колоссальные бюджетные дефициты, вследствие, главным образом, не облагаемой налогами гонки вооружений, не облагаемых налогами войн; расточительство также может привести к соблазну разжигать конфликты, которые выведут из борьбы страны, обладающие большим потенциалом развития.

Я спрашиваю себя, есть ли в этой колоссальной американской империи политические лидеры – я имею в виду, среди фундаменталистов, – желающие развития России, я спрашиваю себя, хотят ли они, чтобы Россия процветала, чтобы российская экономика процветала, чтобы российский рубль ценился, чтобы российская продукция имела рынок, чтобы российские топливо, газ и нефть ценились или чтобы ценились сибирская древесина и норильский никель, а также другие товары, которые, как мы знаем, производятся русскими.

Мы знаем, где было качество и где его не было, так же, как на Западе, знаем, что годится и что не годится, мы очень хорошо знаем цену и возможности каждой из стран, мы не можем игнорировать этого, не можем позволить себе роскоши игнорировать это.

Я спрашиваю себя: какое пространство еще остается, если все уже завоевано, если все уже занято, если Ирак захвачен, если Иран подвергается угрозам, потому что у него может быть ядерное оружие? И действительно, есть страны – союзники Соединенных Штатов, у которых имеются сотни единиц ядерного оружия, и тем не менее, им это позволено, никто этого не обсуждает, такова правда, все мы это знаем, вы знаете, что я имею в виду; я не хочу называть страны, я ничего не имею против ни одной страны, но у меня есть обязательство перед правдой, и мы знаем, как обстоят дела, это закон воронки – узкая сторона для одних, широкая для других. Так обстоят дела в мире, и этот мир, как вы знаете, ведет в тупик, это так, этого никто не может отрицать.

Но эта действительность также пробуждает сознание.

Этот самый нефтяной кризис пробудит сознание. Тот, кто руководит там на Севере, недавно заявил: искать все виды энергии. Атомная, со времени аварии в Чернобыле, вызывает в мире оправданные опасения. И теперь в Соединенных Штатах не так-то просто строить в массовой форме атомные электростанции. Ладно, вернемся к углю; не так-то просто вернуться к углю с его загрязняющими свойствами.

Говорят о водороде, президент Соединенных Штатов говорил о водороде, только он до сих пор не сказал, будет ли получать его из газов, из ископаемой энергии или из воды, потому что если он будет извлекать его из воды, все мы наверняка пошлем ему поздравление, даже я пошлю ему теплое поздравление, если он получит энергию из воды, и был бы готов предложить его на Нобелевскую премию, и просить людей подписаться, и начать список с подписями, чтобы его даже канонизировали, если бы у него появилась счастливая мысль решить проблемы, извлекая из воды водород, на котором будут работать автомобили.

Да, я знаю это очень хорошо, потому что у нас тут было три - четыре товарища-фанатика, которые хотели получить водород из воды, они проработали над этим около 30 лет, я помню, что я их навещал, и все такое. Знаю, что однажды произошел взрыв, потому что они на самом деле получили немного водорода, и он взорвался, но я о них уже давно ничего не знаю.

Знаю очень хорошо, что везде производят машину, работающую на водороде: в Японии, в Европе, в Соединенных Штатах, только не было сказано, откуда получают водород, потому что, если его будут получать из нефти, хорошо, так же, как все эти материалы, эта бутылка, эта пробка, этот телефон, который, думаю, тоже получают из нефти, его не получают ни из стали, ни из железа, все получают из нефти, нет ничего, чего бы не получали из нефти, думаю, что даже мы получились из нефти (Смех), такова действительность.

Возникает вопрос: что произойдет, когда она закончится? Все знают, что она закончилась, это знают все, нужно быть полным, абсолютным неграмотным или совершенно безответственным, чтобы думать, что нефть при этих темпах расходов продлится еще 100 лет.

Да, существуют современные технологии, которые находят нефть быстрее, и чем быстрее они находят ее на дне моря, тем быстрее растрачивают, тем быстрее расточают. Сейчас надо бороться за то, чтобы автомобили сэкономили горючее.

Одной из акций этого правительства было отменить некоторые меры, требующие, чтобы автомобили тратили все меньше горючего. И что тогда? Завоевывать мир орудийными снарядами, грозя ему всеми видами оружия, всеми эскадрами, всеми авианосцами, всеми крылатыми ракетами и всем ядерным оружием, чтобы они были послушными, дисциплинированными, производили сырье, нефть, чтобы и далее растрачивать 25 % мировой энергии?

Мы прилагаем некоторые усилия, которые могут оказаться интересными, в области энергии и экономии энергии, и мы со всей скрупулезностью добираемся до сути проблем. Мы внесем в мир скромный вклад, просто сэкономив, быть может, 50% потребляемой электроэнергии, сэкономив несколько сотен миллионов долларов энергии, и одна часть этого пойдет на все эти программы, о которых я вам говорил, а другая

часть - на полезные в высшей степени инвестиции, я бы сказал, высоко рентабельные, и исходя из знаний, из сырья, называемого образование и знание; исходя из высокоценного сырья, называемого человеческий капитал; человеческий капитал - это то, что мы в основном имеем, и мы еще посмотрим.

Как мы говорим своим соотечественникам – все отлично? Нет, мы будем последними, кто скажет, что удовлетворен; то, чему мы научились с течением времени, на ошибках, позволило нам набраться опыта. Это привилегия, это даже не заслуга.

В своем собственном случае, я прожил определенное число лет, но не могу сказать, что это заслуга, это везение, особенно когда делалось столько попыток преждевременно вывести меня из строя. Если природа наделила меня некоторой способностью жить, то зачем ее отнимать. Так вот, я жил, я кое-чему научился; не только я, есть целая группа людей, которая тоже научилась, есть народ, который научился многому за эти 46 лет, народ, сознающий свои качества, свои слабости, свои недостатки. Мы очень хорошо сознаем свои недостатки, и мы критичны, даже очень критичны, и я не усомнился бы перечислить вам все совершенные нами ошибки.

Мы живем не тем, что прячем свои ошибки, мы живем тем, что говорим правду, живем, опираясь на честность, постоянно исправляя свои ошибки, глубоко анализируя свое поведение, и мы никогда не почием на лаврах, поэтому сейчас может создаться впечатление птички феникс, которая восстает из пепла. Да, такое впечатление сложится о нас во многих частях света - птицы феникс, ласточки, восстающей из пепла. Это Куба, она летит и летит высоко, сказал бы я в нескольких словах.

Мне кажется, что, на самом деле, я говорил уже слишком долго, но вы согласны; да, я знаю, что вы согласны, по крайней мере, это правда, вы не сможете сказать, что я был неискренен, не сможете сказать, что я побоялся говорить ясно и откровенно, с уважением, говорить правду. Я говорил как брат, говорил как человек, который ценит жизнь.

Я тоже испытываю сильные чувства, но я не давал выход чувствам, я старался, чтобы говорил разум, так сказал наш поэт, говоря о литературе. Когда он говорил о литературе и о том, что он читал, я вспоминал тюрьму на острове Пинос, теперь острове Хувентуд, свое одиночное заключение. Я тоже читал книги Толстого и книги Достоевского, я перечитал их все, я, точно мазохист, читал в тюрьме книгу Достоевского о том, как человек ходил туда и сюда, перетаскивая камень, я прочитал «Идиота», «Преступление и наказание», «Записки из мертвого дома», все. И книги Толстого. Какая замечательная русская литература!

Ладно, я должен сказать правду, когда я начал вооруженную борьбу, я уже был марксистом-ленинцем, я был им, я им остаюсь и буду им, пусть это никого не удивляет, потому что я не догматик, я анализирую заслуги людей в истории, я никогда не отрекаюсь от своих идей и могу быть критичным, но мне не за что критиковать ни Маркса, ни Ленина, говорю вам

честно, - я мог бы критиковать другое, – и Энгельса я не критикую, он был первым, кто научил меня, что даже звезды потухнут, когда истощится энергия, и есть звезды, уже давно потухшие, а другие удаляются от возможного места большого взрыва.

Ленин еще не родился, когда Маркс опубликовал свой «Манифест Коммунистической партии».

Современный мир очень отличается от мира, который знали Маркс и Ленин; никто не мог этого знать, никто не мог представить, что можно будет связаться друг с другом в считанные секунды. Они предвидели глобализацию, предвидели, к чему приведет система, где развивались производительные силы, предвидели, что развитие этих производительных сил достигнет такого уровня, что в мире создадутся новые ситуации и произойдут большие изменения. Мы пришли к глобализации, к глобализации, созданной в условиях, которых никто не мог себе вообразить. Противоречия и соперничество решались путем войн. Сегодня ни одна война не может решить ни одной проблемы. Войны сами изжили себя, потому что в современной войне не будет ни победителей, ни побежденных. Вы, русские, знаете это как сверхдержава, которой были, и как большая и могучая держава, какой являетесь сегодня.

Мы были свидетелями времени, когда существовало некоторое равновесие, сначала у них было ядерное оружие, потом наступило равновесие, и обе стороны выпускали все больше оружия; тогда различие состояло в том, что одна сторона могла уничтожить другую пятнадцать раз, а другая могла уничтожить первую десять раз, вопрос был в том, сколько раз одна сторона могла уничтожить другую. Вы, русские, перестали быть сверхдержавой, и, однако все знают, что каждая сторона может уничтожить другую пять раз.

Если говорить о реальной мощи, то с военно-технической точки зрения у российского государства имеется избыток мощи в четыре раза, потому что достаточно одной, чтобы уничтожить другую сторону, и у тех тоже имеется избыток, совершенно ненужный. Когда-нибудь американский народ поймет это, он это поймет, на это можно надеяться.

Могу вам сказать, что я счастлив, видя эту встречу, видя, как вы говорите, как говорили здесь; это делает меня счастливым, радует меня, потому что в этой стране, обладающей такими заслугами, такой историей, таким героизмом, я вижу потенциал, который может способствовать миру на земле, способствовать цивилизации, сохранению человеческого рода. Мы не лишние, и куда менее лишние те, кто может сделать много, как это может сделать Россия, для сохранения рода человеческого, как Китай, как Европа, как Латинская Америка; все мы вместе можем что-то сделать, все мы вместе, одни больше, чем другие, я вижу Венесуэлу, вижу Бразилию, вижу, что они могут сделать много.

Я вижу, что только что сделала Аргентина, как подошла к проблеме долга. Я удивился сегодня, я звоню, кажется, министр-председатель Центрального банка сказал мне сегодня, что Буш выступил с очень хвалебными заявлениями в адрес Аргентины.

Я у него переспрошу, в действительности я еще не верю этому; но Буш хвалил Киршнера, чтобы нападать на Чавеса, чтобы нападать на вчерашнюю встречу, которая ему совершенно не понравилась. Конечно, Киршнера не смогут нейтрализовать лестью или чем-то подобным, если Киршнер нанес ему, можно сказать, удар по корпусу; больше чем удар по корпусу, сильнейший удар; он не нокаутировал Международный валютный фонд, но последний закачался от того, как Киршнер подошел к проблеме долга. Впервые страна становится на такую решительную позицию, на какую встала Аргентина.

Международный валютный фонд еще продержится некоторое время, не думаю, что долго, и когда я говорю, что не думаю этого, я считаю, что он не продержится еще два десятилетия; даже, скажу вам, я сомневаюсь, что этот фонд продержится еще одно десятилетие, потому что подсчеты не сходятся. Я делаю подсчеты, прибавляю, отнимаю, умножаю, делю, и ничего не выходит, кризиса Фонд не выдерживает; это уже не кризис, а сумма кризисов: сумма кризисов, сумма проблем не позволит такому порядку продержаться больше двух десятилетий. Они всегда что-нибудь выдумывают: ту или иную формулу, кейнсианский метод, разбрасывать деньги, предотвратить кризис, печатая бумажные деньги, увеличивая ликвидность и так далее.

У меня остался перед вами только один долг, я говорил быстро, я готов ответить на любой вопрос, который вы мне зададите, на любой вопрос, какой вам захочется, и не на один, а на два, на три, столько времени, сколько мне даст председатель.

Я опоздал на семь минут, уже давно я не опаздывал ни на минуту; но я разговаривал с министром сельского хозяйства Канады, мы говорили о сельском хозяйстве, о ценах на продукты, сколько стоит пшеница, кукуруза, фасоль, чечевица, горох, коровы, много данных, в каком состоянии находится производство, обо всем.

Я говорил ему о продуктах, которые мы закупим в Канаде в этом 2005 году. Я не люблю давать обещания, но я пообещал ему, что в этом году мы закупим в три раза больше, чем в прошлом; да, потому что у нас есть некоторые планы. Они уже разработаны, хоть и не обнародованы.

Так что вы извините меня за то, что я опоздал на семь минут, потому что беседовал с министром сельского хозяйства и с группой канадских фермеров.

Им нужно было уходить на другую встречу, а я хотел прийти сюда. Я узнал, что им нужно было уходить в 16 часов, тогда, когда я планировал встретиться с вами. Я опоздал на несколько минут и знаю, что мои товарищи согласятся со мной, если я объясню, что опоздал на несколько минут, и отвечу на некоторые ваши вопросы.

Не беспокойся, после этого вам дадут ужин, всем (Смех).

Хорошо, я готов ответить на любой ваш вопрос на любую тему (Смех).

Пусть начнет доминиканка, мне говорят, что она значительная писательница.

Луиса Жересада Висьосо. В этом диалоге цивилизаций мне бы хотелось, чтобы вы нам сказали, какое место для вас занимает Карибский регион.

Вы знаете, что мы как регион, дали исключительных теоретиков, не только для нас, но и для мира, начиная с Франца Фанона, его роль в Африке и его значение для угнетенных в мире.

Фидель Кастро. Что, ты думаешь, что я не карибец и не чувствую как карибец?

Луиса Жересада Висьосо. Я знаю.

Фидель Кастро. Разве ты не знаешь, что когда у вас там был Трухильо, а я был студентом второго курса юридического факультета, президентом Комитета за доминиканскую демократию, в том 1947 году была организована экспедиция для освобождения доминиканского народа от Трухильо, и я тоже принял участие в этой экспедиции? Я был единственным из комитета, кто в нее вошел, и, хотя в экспедиции участвовали мои враги, я поехал.

Не знаю, известно ли тебе, но я выдержал до конца, многие дезертировали. В определенный момент возникла проблема, и судно, на котором мы плыли, задержали вблизи побережья Гаити. Я не был командиром, я был лейтенантом взвода, потому что кое-что знал, мне нравились приключения – не буду этого отрицать. Если хотите назвать меня авантюристом, то охотно принимаю звание авантюриста в географии, в экспедициях, в любых вещах, но не в политике. В политике я согласился бы, чтобы меня назвали дерзким, и тот, кто не таков, пусть даже и не берется за это дело, лучше оставит его для других, понимаете? (Смех).

Но я поехал туда, не окончив второй курс. Мне исполнился 21 год на островке, где организовывалась экспедиция под руководством группы тупых кубинцев, очень много о себе мнивших, которые помогали доминиканцам и намеревались сделать все сами.

Там я познакомился с Хуаном Бошем и уже тогда выделил его за его умственные способности, за его чувства. И там я встретил Пичирило, он ехал со мной на яхте «Гранма», он был капитаном судна, на котором я плыл, под названием «Аурора». Кто-то предал, он плыл на другом, более быстроходном судне, судов было четыре, с двумя десантными баркасами, и там, в бухте Нипе, был получен приказ с другого судна, где говорилось, что их ждут недалеко от Моа, около Наветренного пролива. Там стоял огромный фрегат. Никогда мне не казались такими длинными орудия фрегата, потому что с них сняли чехлы, показали и сказали: "Назад!" - и у руководителей экспедиции не оставалось другого выхода.

Как я сказал, на том судне со мной плыл Пичирило, доминиканец. Какой он решительный и смелый! Годы спустя он был нашим помощником капитана на «Гранме». Мы

стали братьями, потому что в тот день я взбунтовался против экспедиции, против роты, где я командовал взводом, и сказал: «Я против возвращения в этот порт, на Кубе сейчас определенная ситуация, вас всех арестуют, я не согласен».

Я был сторонником того, чтобы сохранить оружие в горах, я собрал оружие, и у меня была масса сторонников, в их числе капитан судна. В тот раз мы подружились, он стал моим сообщником в той сложной ситуации, когда я взбунтовался против кубинских и доминиканских командиров. Поднял мятеж, сделал то же, что и Уго Чавес. Я взбунтовался, потому что отказывался возвращаться в порт, где у нас отняли бы оружие и всех бы арестовали. Вначале я даже подумал, что фрегат, преграждавший нам путь, был доминиканским. Но скоро понял, что он кубинский.

Мы с Пичирило продолжали действовать заодно. Маневр, который я задумал, не получился, потому что фрегат следовал за нами по пятам. Мы ждали темноты. При сообщничестве капитана скорость убавили больше чем на половину. Но это ни к чему не привело, стояло лето, темнело позже. Я продолжал бунт, пока не покинул судно на надутном плоту - я и еще трое, единственные четыре человека из тысячи с лишним, которых не арестовали. Капитан сообщил на фрегат, что он не знает входа и боится сесть на мель. Я был авантюрист, должен это признать. Все думали, что меня съели акулы, но в один прекрасный день я всех удивил, я воскрес. Я воскресал много раз, несколько раз.

Так что я знаю дело карибцев, люблю его, я карибец. И ты знаешь о наших отношениях с доминиканскими революционерами и с Кааманьо здесь, куда он приехал после своего героического сопротивления. После победы нашей Революции десятки кубинских революционеров приземлились в горном массиве и сражались против Трухильо.

То есть я активный боец за карибское дело. Я карибец, я горжусь нашими отношениями с Карибским регионом.

Я глубоко симпатизирую англоязычным странам Карибского региона.

Не думай, что я фанатичный сторонник латиноамериканцев; я критичен, как отношусь критически к самому себе и могу быть критичным в отношении кубинцев.

Именно они, карибцы, помогли прорвать латиноамериканскую блокаду, когда все страны, кроме Мексики, порвали отношения с нами. Карибцы, которые к моменту победы Революции даже не были независимыми, содействовали движению вместе с Торрихосом и одним венесуэльцем тех лет, который позже играл разные роли на разных этапах своей жизни, в ту пору его роль была не из самых плохих; но существовало течение, и нас поддержали.

Карибцы были нашими самыми лучшими друзьями в этом полушарии, карибцы, а не латиноамериканцы, и у нас с ними крепкие связи, все они без ограничений имеют право

учиться в наших университетах, они получают столько стипендий, сколько захотят, и все бесплатно.

На Кубе есть Латиноамериканский медицинский институт, в котором учатся 10 000 латиноамериканских и карибских студентов.

Быть может, я должен был бы сказать, что существование венесуэльского революционного процесса и экономические соглашения с Китаем явились факторами большой важности; соглашения с Венесуэлой на базе АЛБА, подписанные нами 14 декабря, через 10 лет после первого приезда Чавеса, мы подписали их на условиях, в высшей степени выгодных для обеих стран. Мы полуинтегрировались. Чувства, идеи, воля к интеграции у нас общие.

Я до того, как стать марксистом, был коммунистом, утопическим коммунистом! Где я этому научился? У жизни, размышляя. Я пришел к этому убеждению, изучая экономику.

Я родился и вырос в латифундии площадью в 10 000 гектаров, мой отец был владельцем латифундии и всего остального, кроме школы и телеграфа. Ему принадлежала даже площадка для петушиных боев, мясная лавка, скот, тракторы, грузовики, продуктовый магазин, склад; когда Карл Маркс говорил, что частная собственность существует только при условии, что ее нет у девяти десятых населения, я мог это понять, поскольку родился в месте, где моему отцу принадлежало все.

Я учился в религиозных школах. Так что я не родился в пролетарской колыбели. Более того, если бы я не был сыном землевладельца, я не смог бы учиться, а если бы не смог учиться, тогда у меня не было бы убеждений, у меня не было бы дела, которое надо защищать.

Я должен быть благодарен этим обстоятельствам, что смог чему-то научиться, не быть политическим неграмотным. Свою политическую неграмотность я ликвидировал сам, потому что я научился иметь идеи. Хотя нет, даже не так, потому что я был сыном, а не внуком землевладельца; мне не довелось вести буржуазную жизнь в аристократическом районе, где из меня сделали бы самого ярого реакционера из всех, когда-либо существовавших в этой стране, поскольку в том или ином направлении я бы не остановился на полпути.

Да, есть люди, которые по своему темпераменту не останавливаются на полпути, они слишком полны энтузиазма, в том или ином смысле, и таким образом мне пришлось рассказать здесь кое-что из своей биографии, чтобы доказать, что я карибец; но я также и латиноамериканец, и африканец, и россиянин, и китаец, и японец, и вьетнамец. И Вьетнам в разгаре войны знал, что мог рассчитывать на нашу силу, и южноафриканцы знают, что могли рассчитывать на то, что мы не пожалеем своей крови, и убедились в этом, когда там было семь единиц ядерного оружия. Так что мне не нужно было бы приводить много аргументов, чтобы доказать, что наше сердце – не сердце шовинистов, мы отнюдь не исключим из него карибцев, вы займете там большее место.

Если хотите видеть серьезные правительства, поищите среди правительств Карибского региона, среди тех, кто до недавнего времени был английской колонией; они очень серьезные как правительства, как надежные люди, там было меньше всего неграмотности. У них меньше неграмотных, чем у нас, освободившихся от Испании – или у вас, освободившихся от Испании, мы потратили на это около века, мы были рабовладельческим государством, - в Карибском регионе меньше неграмотных, чем в Латинской Америке; там лучше медицинское обслуживание, лучшие показатели здравоохранения, чем в Латинской Америке, не считая Гаити, поскольку Гаити – это первая страна, которая восстала, страна, которую оккупируют все. Ни одна из этих держав не способна послать туда ни одного врача.

Некоторые говорят, что они – «врачи без границ», очень хорошо, я их поздравляю, наградите их, дайте им Нобелевскую премию, но их там раз-два - и обчелся. Проблема в том, что вся Европа вместе взятая не может послать столько врачей, сколько Куба имеет в Гаити. Извините, что мне приходится это говорить, но это правда, у них нет пятисот врачей; вся Европа вместе взятая и Соединенные Штаты не послали столько врачей, сколько у нас в Африке; вся Европа вместе взятая и Соединенные Штаты не послали столько врачей, сколько у Кубы в Центральной Америке, где они оказывают медицинскую помощь бесплатно. Это не так, как в случае Венесуэлы, с которой у нас уже есть соглашение о взаимном обмене товарами и услугами.

Я знаю, на что пойдут все доходы. Нас хотят критиковать за то, что мы централизуем. Если мы не централизуем, мы не сможем делать того, что делаем; это как на войне – на войне решения, принимаемые главным штабом, надо принимать быстро, там нельзя долго раздумывать.

Здесь мы обсуждаем, здесь никто не может заложить эту страну.

Кто наделал долгов в Латинской Америке? Министры экономики, даже не парламенты, эти колоссальные долги, в которые влезали правительства, никогда не обсуждались с народом, министр экономики решал, взять ли стране на себя долг в 40 миллиардов или нет. Для решения вопроса о повышении пенсий, я собрал все государство; у меня есть полномочия, поскольку Конституция мне дает больше полномочий, чем любому министру экономики в Латинской Америке, я – Председатель Государственного совета и Председатель Совета Министров, избранный Национальной Ассамблеей, я могу собрать Государственный совет. На заседании присутствуют и председатели органов народной власти каждой провинции, руководители массовых организаций, президент банка и все председатели главных банков, которые являются государственными, они не частные, все собрались вместе, и я их прошу: «Составьте заключение, можно это или нельзя?». Потому что это дела продуманные, подсчитанные и хорошо подсчитанные, и там мы решаем, как поступить. В качестве Первого секретаря Партии я вызвал главных партийных руководителей.

В столь демократичной Латинской Америке министры экономики решили вопрос о долгах, и это имперское правительство не сказало, что то были антидемократические страны, не сказало ничего подобного, страны, обросшие долгами, были сверхдемократическими. В 1985 году мы выступили на борьбу с долгом, когда он составлял 350 миллиардов; сейчас они должны 750 миллиардов. Посмотрите, сколько демократии царил в этом полушарии.

А в Центральной Америке и в других странах, что происходит в Коста-Рике, этой колыбели, этой вершине демократического мышления? Сейчас на Кубе 70 000 врачей и более 50 000 специалистов, мы не жалея сил боремся с кражей умов, а в Коста-Рике работает более 800 врачей кубинского происхождения, украденных у Кубы годы назад.

Мне об этом рассказал однажды на одной международной встрече очередной президент Коста-Рики, из тех, что бесславно сменяют друг друга в этой стране: «У нас там есть 800 кубинских врачей». Я ему говорю: "А-а, у вас есть 800 врачей», но они не заплатили ни цента за 800 врачей, которых подготовили мы.

Соединенные Штаты хотели соорудить маленькую витрину против Кубы, чтобы доказать, что с «демократией» можно делать то, что так антидемократически делает Куба, то есть спасать жизнь детей, спасать жизнь матерей и все такое; витрина, а в Коста-Рике есть 800 кубинских врачей, практикующих платную медицину.

Это имеет большое значение, когда будут обсуждать, почему мы должны оплачивать 300 киловатт, которые можно было купить за один доллар, и покупают за доллар 300 киловатт, на производство которых страна тратит 25 долларов в конвертируемой валюте.

Смотрите, как злоупотребляют долларом, присылавшимся на Кубу. Если у вас старый холодильник и этот холодильник лишился термостата, он стоит кубинскому государству семь долларов в месяц. Одним из наших способов экономии энергии станет то, что исчезнут все холодильники без термостатов, не потому, что мы их заберем и отправим на металлолом, а потому, что поставим в них термостаты, а также герметизирующие прокладки, чтобы не выходил холод, потому что мы обнаружили, что они потребляют семь - восемь миллионов киловатт в день, трудно подсчитать, сколько миллионов мы сможем сэкономить таким образом, вложив 10 миллионов на приобретение термостатов, мы не знали этого и обнаружили по мере того, как стало дорожать топливо, что дороже стоит произвести один киловатт.

В таком случае что происходит с электричеством?

Возможно, у кого-то больше термостатов, чем у нас, поскольку они не жили в условиях блокады, в каких живем мы, кубинцы. Блокада, в условиях которой они живут, - другая, более страшная, это - блокада, порождающая неграмотных, блокада, порождающая истощенных, голодных, детскую смертность, материнскую смертность, сокращение продолжительности жизни, - вот демократия, которая их привела к этому. Эта блокада страшнее экономической, и

такой блокады здесь уже давно нет, поэтому-то мы можем даже девальвировать доллар. Смотрите, какое чудо! И они не могут протестовать, потому что кто может от нас требовать, кто может от нас требовать, чтобы мы платили по 25 долларов за киловатты электроэнергии, которые покупаются за один доллар, присланный оттуда? И кто посылает эти доллары? Неграмотные батраки? Нет. Они получили с Кубы не неграмотных. Эмиграция, прибывшая с Кубы, состояла из множества людей с высшим, со среднетехническим образованием и из многих бывших землевладельцев и буржуа, умевших заниматься бизнесом.

Эмиграция, получающая наибольшие доходы в Соединенных Штатах, - это кубинская, намного больше, чем доминиканская, гаитянская или из любой другой латиноамериканской страны.

А, хорошо, у нас есть собственная валюта. Мы изъяли доллар из обращения, заменили его конвертируемым песо. Сейчас мы приступаем к ревальвации нашего песо и ревальвации нашего конвертируемого песо, обоих видов валюты. Один шаг в одном направлении, другой - в другом. Так что теперь доллар действительно девальвировался по сравнению с нашим конвертируемым песо, и все, у них нет аргументов.

Что теперь означает эта девальвация? То, что раньше на 1 доллар покупались 27 песо, а сейчас только 25. Эту меру мы можем применять столько, сколько будет необходимо.

Какой удар мы можем нанести бедному доллару. Там, в Соединенных Штатах, платят за электричество 12 и даже 15 центов за киловатт. Здесь платят меньше одного цента доллара. Как это покупается? Ну, за один цент, если действительно потребляют менее 300, сегодня за один цент покупают 3 киловатта.

Какое преступление против доллара мы совершили! Какая ужасная жалоба! Какой вандализм акт мы совершили, попросив их, чтобы за один доллар они платили больше! Мы его почти не тронули, мы едва коснулись его лепестком розы. Сейчас мы можем коснуться его лепестком розы, но, если захотим, то можем коснуться его и рашпилем, приласкать доллары лепестками или подточить их.

Как чудесно не принадлежать к Валютному фонду! Как чудесно, что нам не надо просить помощи у этого учреждения в этом меняющемся мире!

Через четыре года исполняется 50-я годовщина со дня победы Революции. Уже исполнилось 50 лет с начала нашей вооруженной борьбы 26 июля 1953 года. Это более 50 лет борьбы, более 50 лет опыта.

От имени этого я говорю, и только от имени этого я осмеливаюсь выступать перед вами. И я не всегда так говорю, сегодня я говорю так, потому что мы определяем очень важные вещи.

Я могу представить себе любую форму социализма с единой целью и разными путями, чтобы его осуществить, разные стили, родившиеся из корней, из исторических обстоятельств и конкретных обстоятельств каждой страны. Мы строим такой социализм, я уже объяснил вам, как мы это сделали. Теперь мы можем получить все преимущества от сделанного нами. Теперь мы начинаем пожинать плоды; теперь, когда мы зависим только от собственной сознательности, нашего человеческого капитала, нашего опыта и нашей воли исправить все ошибки, которые мы совершили в огромном количестве, тактические ошибки, некоторые крупные, но не стратегические. В действительности мы старались любой ценой избежать стратегических ошибок, которые, по своему определению, являются необратимыми.

Я хочу, чтобы вы знали, что некоторые вещи, случившиеся у нас, были следствием теорий и книг, написанных в другие времена и в других странах.

Самое большее, что я могу сказать в своей адвокатской речи – так мне пришлось защищаться однажды, - то, что я всегда был антидогматиком, всегда был против догм, схем, книжонок, где что-то говорится. Более того, я думаю - и Освальдо это хорошо знает, - я думаю, что экономика, как и политика, является не наукой, а искусством. Деятели искусств не могут сказать, что они владеют наукой, нуждаются в науке, нуждаются во всех расчетах. Если вы не вычитаете, не складываете, не умножаете, не извлекаете квадратный корень, вы не можете делать ничего; а поэт перемешивает слова, идеи, образы, стили. Писатель делает то же самое. Политик перемешивает события, перемешивает факторы; экономист тоже перемешивает элементы, различные экономики. Монополия существовала всегда, свободной торговли не было почти никогда, это всего лишь теории, против которых возражали все промышленно развитые страны.

Сейчас, когда они господствуют над миром, они говорят другим, которым еще предстоит развиваться: свободная торговля, без таможенных тарифов, без того и без другого.

Это очень ясно: для меня экономика – это искусство и наука, а политика – это искусство, но не наука. Опирайтесь на политику, опирайтесь на науку и опирайтесь на все элементы.

Так вот, у меня есть лучшее понятие экономики, я вижу ее как искусство, и политику я вижу как искусство.

Кто-нибудь хочет задать вопрос? Слушай, председательствуй.

Предоставь слово всем, кто его просит.

Я отвечу всем журналистам, всем, кто захочет.

Российский делегат. Товарищ Кастро...

Фидель Кастро. Кто-нибудь будет мне переводить? Единственное, что я слышу, так это русский язык (Смех).

Епископ Феофан. Товарищ Фидель Кастро, позвольте мне, прежде всего, выразить вам свою благодарность за возможность иметь на Кубе русскую православную церковь.

К сожалению, заводы и фабрики стареют, даже теряют свое значение, хотя были построены на базе братства, однако церковь, чем она древнее, тем большую ценность имеет, и церковь, которую вы помогаете нам строить для русского православия, через век станет верным свидетелем наших добрых отношений.

Но меня интересует другой вопрос: я епископ одного района Северного Кавказа и лично являюсь участником трагедии, когда террористы захватили школу. Я прибыл в школу через 20 минут и был там до конца. Это было что-то ужасное.

Хотелось бы услышать ваше мнение, поскольку террористы часто спекулируют тем, что они выполняют спасательные миссии, но то, что я видел, было нечто ужасное. Хотелось бы знать, что вы думаете по этому поводу. Спасибо.

Фидель Кастро. Из самой глубины моих чувств и моих убеждений я осуждаю смерть невинных людей.

Помню бои во время войны в горах Сьерра-Маэстра, шли бои, и иногда приходил кто-нибудь и давал нам полную информацию - наши товарищи, у которых были родственники вблизи от объекта, - мы нападали на населенные пункты, занятые армией, захватывали многие из них, некоторые бои были очень тяжелыми, но я не помню, чтобы было убито хотя бы одно гражданское лицо. Видите, как даже на войне, и когда надо сражаться, потому что казарма находится в таком-то месте и ее надо атаковать, хотя лучше заставить их выйти, потому что они слабее в движении, чем когда занимают свои позиции, можно избежать смерти невинных. Я не помню, чтобы был убит хоть один человек из гражданского населения в каком-либо бою в течение 25 месяцев войны, которую мы вели.

У меня была колонна, из которой потом образовались остальные, и люди обучались воевать в бою, они не учились в академиях, в то время не было академий.

То, что я вам говорю, не просто слова, произнесенные мною здесь, существует целая история, подтверждающая эти слова.

Нет, я не могу убить ребенка, чтобы сломить блокаду, сознательно пойти и убить ребенка, я не могу этого сделать. У нас существует этика, существуют принципы. Вы можете пожертвовать своей жизнью, когда хотите, но вы не можете пожертвовать жизнью невинного.

Так я думаю и так всегда говорил, наша страна выполняла интернационалистские миссии – не одну, а довольно много: когда южноафриканские расисты напали на Анголу; или когда на нее двинулись с севера силы Мобуту – у этого действительно были деньги, и немало, и никто не знал, где они хранятся, в какой банк их поместили, понимаете? – и не только там, еще в ряде мест мы выполняли миссии; спросите у кого угодно в мире, был ли хоть один военнопленный расстрелян, где бы ни находились наши войска, там где гибли наши товарищи; потому что это была доктрина, и ее соблюдали не только здесь; потому что наша армия никогда не расстреляла ни одного военнопленного. Мы гордимся этим. Мы даем им все, что у нас есть и что нам одалживают, скажем, пусть кто-нибудь сможет доказать, что в ходе нашей войны с апартеидом и другими союзниками империализма в Африке мы расстреляли хотя бы одного военнопленного, даже часто солдаты апартеида предпочитали попасть в плен к нам, потому что так жизнь им была обеспечена. Больше ничего не скажу (Аплодисменты).

Епископ Феофан. Большое спасибо, Команданте Кастро. Это то, что я хотел от вас услышать.

Наталия Шопен. Меня зовут Наталия Шопен, я корреспондент радиостанции «Эхо Москвы».

У меня очень короткий и очень простой вопрос.

Скажите мне, пожалуйста, думаете ли вы посетить Российскую Федерацию в ближайшем будущем. Спасибо.

Фидель Кастро. ...как я могу планировать визит в Российскую Федерацию. Если ты меня спросишь о моих чувствах, моей воле, то да, летом или зимой, со снегом или без снега, кто бы там не правил, и тем более сейчас, когда отношения между Кубой и Россией улучшаются; тем более сейчас, когда только что прошло прекрасное заседание Комиссии по сотрудничеству между Кубой и Россией, с очень хорошими результатами, в момент расцвета отношений между обоими народами и когда эти отношения основаны на огромной любви, любви, выраженной поэтом, любви, которую я хотел выразить, когда вспоминал, как однажды был там, на озере Байкал, когда на снегу суровые сильные рыбаки, оттуда, из Сибири, жарили рыбу, а у нас тогда еще были определенные трудности в отношениях, определенное недовольство из-за формы, по нашему мнению, неправильной, это дело прошлого, в какой был решен Карибский кризис, и глядя на тех беседующих людей, я смог узнать русского человека и могу сказать, что это самый миролюбивый народ, и самый миролюбивый народ потому, что он больше всех узнал, что такое война.

Ни один из народов не выстрадал столько, сколько выстрадал русский народ, и ни одна страна не была так разрушена во время Второй мировой войны. Этот народ действительно узнал, что такое война и трагедия войны, поэтому он более, чем кто-либо, любил мир; но я могу также сказать об этом русском народе, что это был самый бескорыстный народ. Этот человек,

который узнал войну, был способен отдать все и вновь вступить в бой. Тот сибиряк знал, что я был гражданином маленького островка, находившегося у черта на куличках, а как он разговаривал со мной и выражал мне свои чувства; потому что то был народ, который, узнав войну, как никто, и ненавидя войну, как никто, был великодушно готов умереть за другого.

Мы, кубинцы, тоже научились этому, мы не только умирали за нашу родину и нашу землю, но также немало кубинцев погибло сражаясь или выполняя интернационалистские миссии.

Вы подвергаетесь риску на войне, в мирное время, при любых обстоятельствах.

Я действительно был очень захвачен тем, о чем я вам рассказывал, делом, в котором я участвовал, когда мне был 21 год. Могу сказать, что прошло немного времени, и я был в Боготе, когда во время встречи ОАГ убили одного видного руководителя, и я увидел, как поднялся весь город, я смешался с народом, со студентами, тоже достал себе винтовку, взял ее в одном полицейском участке, вооружился; кажется, у меня оказалось семь патронов, фуражка без козырька, походившая на берет, какие-то туфли, совсем не подходившие для боя. И я был в том городе до последнего дня, пока меня не выгнали, пока не начались переговоры, наступил мир, и все остались ни с чем. Обо всем этом написано, я ничего не придумываю.

И был момент, когда я заколебался, ночью, часа в 2 или в 3 ночи, мы были в полицейском участке, там находилось восставшее полицейское руководство; начались акты насилия, грабеж и все такое, сама армия колебалась; в тот момент Гайтан был очень любимым лидером, он защищал одного лейтенанта от клеветы или чего-то подобного, все его слушали, но грабежи неизбежно привели к порядку; я находился с повстанцами, верно? - со студентами, с народом.

Народ все это погубил, потому что бросился грабить; что можно было ждать от них с их культурным уровнем и уровнем образования, они походили на муравьев, тащили на себе рояли, холодильники объемом где-то в два кубометра, я видел их, все это видел. Положение тех людей, засевших в управлении восставшей полиции, было безвыходным, я понимал это, зная нашу историю, все, потому что думал, размышлял о многих этих вещах, несмотря на возраст, и я был там, с этим гарнизоном, находившемся в безвыходном положении, мимо проезжал танк, и они выпускали в него несколько пуль.

Я видел, так там издевались над одним полицейским, меня это возмутило, то был полицейский-«лакей», как они говорили, реакционер; но меня это возмутило, потому что его оскорбляли. Я находился в одной из спален у окна, это была отведенная мне позиция, и мне стало неприятно; они обидели его, оскорбили и много чего ему сказали. Я два-три раза поговорил с начальником и сказал ему: «Знаете, у вашего войска положение безвыходное».

Любой, кто читал книги о Французской революции и знал, какими бывают уличные беспорядки, понимал, что войско, которое не движется, пропало; в таких обстоятельствах любое

войско должно брать на себя инициативу. Так происходило во время Французской революции, мы все читали книги почти всех авторов... Всякий, кто засел в каком-то месте, может считать себя пропащим. Я сказал ему: «Выведите это войско на улицу, атакуйте». Я пытался убедить его, но он не понимал. Да, но я был там, и в какой-то момент я вспомнил о своей семье, даже о невесте вспомнил, как вам это нравится? Я вспомнил обо всем. Тогда я заколебался, никто ничего не знал, я умру безымянным, и я сам должен был объяснить себе, почему я оставался там, и я сразу же объяснил себе, почему, я сам ответил себе, я сказал: этот народ такой же, как все другие, как мой, его дело – справедливое, беззаконие – такое же, как там. Я был уверен в своей правоте, мое недовольство было вызвано тем, что неверно использовали войско. Я спрашивал себя: должен я принести себя в жертву или нет? И что я решил? Решил остаться, погибнуть там вместе с этими людьми. Мне повезло, что нас не атаквали, а у тех были танки.

На следующий день я сказал ему: «Дайте мне патрульный отряд»; все высоты были пустыми, стоило только какой-либо силе прийти туда, чтобы занять тот пункт, занять высоты. Я сказал: «Дайте мне патрульный отряд». Мне дали патрульный отряд, и я пошел защищать те высоты.

Я пережил незабываемые минуты, в тот день я видел горящий город, к вечеру я вернулся и не в качестве предлога, чтобы спасти свою жизнь; я вернулся в ту казарму, потому что мне сказали, что атаквали полицейский участок; к счастью, повстанцы вели наступление на другое здание. Так что я чудом выжил, я остался там, и на следующий день мне не позволили взять с собой ни сабли, которую я хотел увезти на память; уже наступило перемирие, все аплодировали: «Кубинец!», все разговаривали с кубинцем, потому что всем было интересно, что кубинский студент остался там.

Я находился там по делам конгресса, который мы организовывали, и я завербовался и заколебался в тот день. То, что я вам рассказываю, я никогда не рассказывал, это был вопрос совести, я остался и решил погибнуть за народ, который не был моим, в ходе операции, которая была проиграна, с войском, которое было побеждено, и я остался там, потому что это был вопрос совести.

Говорю, что это было на очень раннем этапе, в то время я должен был перейти в университете со второго курса на третий, у меня было много идей, я был антиимпериалистом и антиколониалистом, я выступал за доминиканскую демократию, независимость Пуэрто-Рико, возвращение Панамского канала панамцам, возвращение Мальвинских островов Аргентине, ликвидацию европейских колоний в Латинской Америке, таковы были мои знамена. Да, но то не было еще социалистическое знамя.

В то время, о котором я вам рассказываю, я еще не читал Маркса. Я вам рассказал два эпизода, но смотрите, как я думаю, я действительно говорю то, о чем думаю, и это не ответ. Я могу ответить на любой вопрос, который вы мне зададите, поэтому уверен, что смогу на него

ответить, потому что я старался быть последовательным в моих идеях, всегда твердо стоять на своем, и это то, что я посоветовал бы любому молодому человеку. И как любой молодой человек, я наверное обладал своей дозой тщеславия; не то что наверное, оно было у меня наверняка. У меня было всего понемногу, и мелкобуржуазная суетность тоже, гордость, всякие такие глупости; но своей шкале ценностей я никогда не изменял, и жизнь меня даже научила быть более скромным, более смиренным. Думаю, что я сейчас смиреннее, чем когда начинал молодым. Молодой человек всегда относится очень критично ко всем остальным, думает, что он все знает, и в большой мере он прав, но не всегда; и, естественно, я всегда помню, каким я был.

Жизнь – это постоянная борьба до последнего момента, я думаю бороться с самим собой до самой смерти, ровно до последней секунды, когда я умру, потому что я еще анализирую то, что делаю, я себя анализирую и, когда совершаю ошибку, даже самую маленькую, детальку, и я ее исправляю. Кто знает, потом я, может быть, буду думать о том, что сказал здесь; но надеюсь, что нет, потому что я был верен, разговаривая с вами, потому что ценю вашу встречу. Я не буду произносить здесь никакой речи, у меня не было времени, потому что я занят всеми этими вещами. У меня было мало информации, была, но минимальная, я едва пообедал, чтобы прочесть ее, занимался другими вещами; бегом встретился с министром, вернулся, другие уже ждут меня там. Завтра у меня очень важное выступление по телевидению в 18 часов и, предполагается, что я все еще прохожу период реабилитации после своей травмы, полученной 20 октября прошлого года.

Так что поэтому говорю вам, что может быть я проанализирую себя, спрошу: о чем я говорил с русскими? Но я уверен, что не буду жалеть о сказанном вам, потому что я беседовал с вами как брат, говорил с любовью, говорил с чувством. Вот так, о том, что какие чувства мы испытываем к вам, потому что, как я тебе говорил, я познакомился с такими людьми, как те, познакомился с лесничими, знал русских – настоящих патриотов и революционеров, тех, кого я видел бойцами, которые сражались в Сталинграде, в Ленинграде, в Керчи, во всех местах, в Смоленске, которые не сдавались, которые продолжали сопротивление, которые боролись. Да, тех, кто отправился туда сражаться с японцами, когда, никому ничего не сказав, Соединенные Штаты бросили знаменитую бомбу, то был акт террора.

Если подсчитать, сколько потеряли союзники, русские и остальные советские народы, сражавшиеся вместе с Россией, получится, что они потеряли больше в той войне, чем все остальные ее участники, это правда. Я посетил некоторые кладбища, был на кладбище в Ленинграде и знаю историю, знаю о 1000 днях осады, прочел толстую книгу, в которой вспоминаются все лишения, испытанные ленинградцами, подобные тем, которые испытал русский народ везде. Так что у моих чувств прочная основа, я знаю, каковы русские, и восхищаюсь ими.

Как я уже говорил, у нас очень хорошие отношения с Российским государством и с российским правительством, и я очень рад, потому что должны объединиться мы все - диалог защитников цивилизации. Вот то, что я хотел сказать.

Альфонсо Бауэр. Мой вопрос следующий: в Гватемале говорят, что вы жили в городе Халапа, и я один из тех, кто утверждает, что это неправда, хотя для моей родины было бы большой честью, если бы вы были в Гватемале в то время.

Фидель Кастро. Хорошо бы, если бы я смог побывать там, мне очень хотелось бы, правда. Сколько людей там пропало без вести? Да, я знаю, что после интервенции Соединенных Штатов, направленной против гватемальской революции, было более 100 тысяч убитых и более 100 тысфч пропавших без вести.

Это же случилось бы с нами, если бы они победили на Плая-Хирон.

Сколько жертв стоила экспедиция наемников в Гватемале, свергнувшая правительство Арбенса?

Альфонсо Бауэр. Около 200 000.

Фидель Кастро. А, да, правильно, 100 000 погибших и 100 тысяч пропавших без вести, тогда почему столько протестов из-за нескольких заключенных наемников? Да, здесь есть заключенные, здесь нет пропавших без вести, здесь нет убитых. А, те, кто заслуживает большую олимпийскую медаль, благословения империи – это те, кто убивает в этих странах, где неграмотные и полуграмотные могут составлять 30%, 40% или намного больше, где показатель детской смертности очень высок, все эти беды, о которых я говорил. Это «демократия», господа, а то, что мы делаем, это дерьмо, «систематическое и постоянное нарушение прав человека».

Думаю, что если бы мы не были способны применить строгие меры, мы сотрудничали бы с теми, кто хотел уничтожить нашу Революцию и кто хотел уничтожить наш народ.

Нам нравится применять смертную казнь? Нисколько, это вызывает у нас отвращение; это больше, чем не нравится, это вызывает у нас отвращение. Однако когда речь шла о том, чтобы защищаться от самой могущественной в истории империи, мы ее применяли. Ни в одном месте земли не казнили столько, сколько в Техасе, и казнили невинных, казнили детей, людей, совершивших преступление, будучи детьми; здесь никогда такого не происходило. Казнили умственно отсталых людей; здесь никогда такого не происходило.

Тогда я спрашиваю себя: почему этого джентльмена, который руководит Соединенными Штатами, не вызовут на Комиссию по правам человека в Женеве? Так нет, туда должна ездить Куба, и каждый год. По правде сказать, не хочу говорить об этом с презрением, но то, что мы чувствуем в отношении всего этого лицемерия, - это презрение. Мне нечего больше сказать:

презрение! Потому что мы не нуждаемся в том, чтобы кто-то нас судил, потому что судить себя в первую очередь должны мы сами.

Российский делегат. Прежде всего, большое спасибо за ваше блестящее выступление. И скажите нам, пожалуйста, с самого начала вашей революционной борьбы, какой этап был для вас самым тяжелым?

Фидель Кастро. Самый тяжелый этап у меня сейчас, когда вы просите меня ответить на этот вопрос (Смех и аплодисменты).

Еще есть время. Если вы выдержите, я тоже выдержу.

Михаил Чернов. Уважаемый товарищ Фидель Кастро, большое спасибо за ваше выступление. Меня зовут Михаил Чернов, я российский, советский, журналист из журнала «Эксперт». Я не впервые на Кубе, мне очень нравится ваша страна, мне нравится кубинский опыт, который я смог наблюдать здесь, и мой вопрос следующий: я считаю, что нам многому надо научиться у Кубы, скажите, пожалуйста, как вы можете нам помочь?

Фидель Кастро. Второй очень тяжелый момент (Смех). Я ничем не могу вам помочь, наоборот, это вы можете нам помочь. Я говорю с вами здесь со всей откровенностью, обмениваюсь мнениями. Я могу помочь тебе и твоему народу столько же, сколько вы можете помочь нам; делая это, вы помогаете самим себе и помогаете нам.

У нас единственное, что остается, - это долг перед вами, за то, что вы поверили в нас, что сочли нас достойными организовать эту встречу здесь, провести этот обмен мнениями и пригласить нас.

Я не могу думать, что помогаю вам и что был бы какой-либо способ мне вам помочь; я думаю, что вы помогаете нам и что вы помогаете миру.

Это наше дело. Здесь много верующих, они знают, в чем их долг, каково их дело; здесь есть врачи, специалисты, и каждый из них знает, в чем их задача; мы знаем, что это наша задача.

Я лишь могу обмениваться мнениями, действительно, самое большее, что я могу сказать: что мы можем делать - так это помогать друг другу. (Аплодисменты).

Всякий, кто желает что-нибудь спросить - пресса, члены делегации, - могут задать любой вопрос.

Российский делегат. Уважаемый господин Фидель Кастро, мы хотели бы узнать ваше мнение, если это возможно, о том, сколько продлится оккупация Ирака?

Пять минут назад вы сказали, что вы иногда совершаете ошибки. Можно узнать, какие ошибки вы совершили, возглавляя кубинское правительство?

Фидель Кастро. Эта встреча, и подвергнуться вашему допросу (Смех) - вот одна, из числа многих.

Вы спросили меня, сколько продлится оккупация Ирака. Оккупация Ирака? Я думаю, это неправильный вопрос. Ирак подвергся нашествию, но его не оккупировали.

Ты можешь спросить, когда они оттуда уйдут. Вот что я думаю. (Аплодисменты).

Можешь пояснить свой вопрос чуть больше? Ты думаешь, что Ирак оккупирован? Разве там у них уже нет правительства, нет ассамблеи? Почему они не уходят? Ты хочешь знать, когда они уйдут?

Действительно, когда они уйдут? Когда смогут уйти, они выйдут из Ирака, когда смогут это сделать. Потому что сейчас они там, как незваные гости: они не могут ни уйти, ни остаться, они тасуют варианты - то шииты, то сунниты, есть ли правительство; они уйдут, когда смогут, потому что захватчики уходят не тогда, когда захотят, а когда смогут. Они знают, в какой момент могут вторгнуться в страну, но не знают, когда смогут уйти.

Они знали, когда войти во Вьетнам, но потом им это стоило огромного труда, времени и 50 000 убитых - квота убитых, заплатить которую позволило им тогда американское общество, составила 50 000. Я спрашиваю себя, предоставит ли сегодня американское общество захватчикам квоту в 5 000 жизней. Быть может, 5 000 жизней будет максимумом, который оно допустит, и с каждым разом квота на авантюры, основанные на лжи и обмане, будет все меньше.

Проблема в том, что им уже надо уйти, но они не могут. Теперь они думают, что бы такое придумать, что бы такое сделать, чтобы быть в состоянии уйти.

Так что вопрос такой: когда они смогут уйти? Это будет зависеть от американского народа, и экономического кризиса, и бюджетного дефицита почти в 500 миллиардов, и торгового дефицита еще в 500 миллиардов, целый триллион. Сколько лет подряд они могут выдержать этот дефицит в триллион долларов и как они из этого выкарабкаются? Они думают ликвидировать культуру? Они эксплуатируют религиозные противоречия, национальные противоречия, ситуация там сложная: курды на севере, сунниты в центре, шииты на юге, православные христиане еще где-то; Иран, который они хотят разрушить или на который хотят напасть и овладеть его ресурсами. Это не тот Иран, презираемый шиитами с юга Ирака, которых когда-то притесняли.

Знакомая история, мы многое знаем об этой истории, потому что когда началась та война между Ираном и Ираком, мы были председателями Движения неприсоединения и нам дали задание примирить обе стороны. Мы знаем все, что там произошло.

Ирак был страной, имевшей связи со многими странами, он разумно инвестировал деньги, получаемые от нефти, пока не возникла эта злосчастная война с Ираном.

Это самое большое, что я хотел бы сказать по этому поводу. У меня сложилось ясное мнение обо всем этом. Это была влиятельная страна, которая потом совершила серьезные ошибки.

Мы также были против оккупации Кувейта и осудили это в Организации Объединенных Наций, мы даже приложили много усилий, чтобы убедить правительство оставить это дело, надо было одуматься и исправить эту ошибку, которая позволит Соединенным Штатам создать большую коалицию из арабов, мусульман, европейцев, НАТО и Соединенных Штатов. Мы даже сказали им: «Исправьте свою ошибку».

В России, в архивах, есть копии этих документов и, конечно же, в Соединенных Штатах тоже, потому что тогда, в определенный момент, Россия проинформировала об этом Соединенные Штаты. В государственном департаменте и там, в этих двух местах, имеется то, что я написал и говорю теперь здесь; но я не буду публиковать сам по себе аргументы, доводы, которые приводил тогда, пытаясь повлиять на ход событий, потому что у нас были обязательства перед международным движением.

У нас были отношения с Ираком, даже мы предоставляли им медицинскую помощь, там работала бригада кубинских врачей.

Так что некоторые события, которые предшествовали этой трагической странице, имели место раньше, и мы учитывали и даже предвидели их последствия, что доказано на бумаге.

Это содействовало, так же, как разрушение Всемирного центра торговли, содействовало воинствующей, неуместной, анахронической политике империализма.

Помню, что там, в Малайзии, на встрече Движения неприсоединившихся стран, я беседовал с вице-президентом Ирака. В тот момент наши отношения с иракским правительством были не очень хорошими, потому что мы никогда не были согласны с оккупацией Кувейта, и они тоже были не очень довольны тем фактом, что на межпарламентской встрече я встретился с делегацией Кувейта и также с иракской делегацией. Они много говорили о том, сколько детей умирает, и я сказал: «Почему бы нам не сделать что-нибудь, чтобы предотвратить смерть детей? Скажите, сколько вам нужно врачей. Можно разработать план, чтобы дети не умирали». Правда, что там умирали дети.

У нас здесь был особый период, блокада, много всякого, но дети не умирали; скорее могут умереть взрослые, родители, чем дети.

Тогда я привел им такой аргумент: «Это неоправданно. Почему вы не помиритесь с Кувейтом раз и навсегда?», - спрашивал я их. «Ищите мира», - говорил я представителям Ирака, приехавшим на ту встречу.

Было даже много людей, арабские страны, которые воевали, которые хотели исправить ошибки, хотели мира, а они оставались непреклонными. В Малайзии я сказал вице-президенту: "Правительство Соединенных Штатов хочет войны с вами, очевидно, что они начнут войну, они не могут этого скрыть; не давайте им ни малейшего предлога, не помогайте им начать войну". Я им сказал: "Не начинайте сейчас думать о том, что если говорят, что эти ракеты поражают цели на 50 километров дальше и что они не могут превышать 500 км, ограничьте их 499 километрами. Бесспорно, это ваше право, но не давайте им предлога. Поставьте этот вопрос, скажите об этом публично, пригласите комиссию Движения неприсоединения, пусть посетит Ирак, чтобы доказать, что у вас нет химического оружия». Я им сказал: «Думаю, что у вас его нет, и если вы когда-либо его производили, то уничтожьте его». Я попросил его, пожалуйста, передать все это иракскому руководству. Уже было довольно очевидно, что нападение неизбежно; но я осмелился и сказал это вице-президенту, и он даже очень меня за это благодарил. В прошлый раз, когда было дело с Кувейтом, иракское правительство заявило: «Начнется самая большая война». Тогда я ему сказал: «Произойдет то-то, то-то и то-то. Это уже не Вьетнам. Вьетнам имел поддержку, там были джунгли, а не пустыни, это была нерегулярная война, он пользовался поддержкой Китая, который был рядом, Советского Союза, который на судах, многими способами, доставлял туда оружие. Вы не получите ни одной пули, их не смогут вам доставить в такой ситуации», - говорил я ему. Это я ему сказал, когда предлагал исправить ошибки, чтобы не играть на руку империи. Прошло время, и сейчас эта страна оккупирована. Им казалось это простым делом, а сейчас получается, что у них серьезные проблемы, они наталкиваются на непреодолимые препятствия, постепенно обламывают себе зубы. Многие американцы понимают это, и конечно это не то же самое - когда они только что вошли и сейчас.

Там есть много думающих людей. Речь не идет о том, чтобы нажать на курок, нажать на кнопку. Чтобы нажать на кнопку, их должно быть где-то 200 или 300, неизвестно, сколько людей решает, когда надо нажать на кнопку. Сами военные это знают, они специалисты и знают, во сколько это обходится, во сколько жертв, в утрату престижа. Это была полная дискредитация. Даже меня удивили эти события.

Посмотрите, насколько мы наивны, я-то знаю, кто они такие, что они не останавливаются ни перед чем, но я не мог представить себе, что правительство Соединенных Штатов будет пытаться заключенных. Мне казалось, что этого-то по крайней мере они не будут делать, что они не настолько глупы, чтобы делать это; эти садистские процедуры физических пыток, моральных

пытков – все совершенно зазря. Это позор, это вызывает отвращение, и это было не в одном месте.

Я даже представить бы себе не мог, что когда-нибудь военно-морская база в Гуантанамо, кубинская территория, оккупируемая ими насильно, превратится в центр пыток. И какие садистские пытки. Я не представлял себе этого. Я действительно не мог поверить... Я думал, что эта нецивилизованная цивилизация, что это правительство, способное запускать ядерное оружие, бомбардировать все, не совершит глупости пытаться людей, кто бы они ни были. Разве мы не имели дело с преступниками, убивавшими наших товарищей? Кто бы они ни были, мы никогда не притрагивались к ним ни пальцем. Мы могли бы дать все деньги, имеющиеся в стране – их немного, но кое-что есть, - тому, кто докажет, что здесь тронули хотя бы пальцем самых отъявленных заключенных, совершивших самые ужасные преступления, самые страшные акты терроризма против нашей страны.

У нас были пленные, и те, что были захвачены на Пляя-Хирон, наемники, которые вторглись сюда, прибыли и высадились вслед за бомбардировками, которые убивали женщин и детей. Там, после того сражения, которое было упорным, когда сражались 68 часов подряд. Не было передышки ни днем, ни ночью, потому что там стояла американская эскадра с морской пехотой, ожидая момента, чтобы высадиться. И это вам рассказывает не тот, кто слышал об этом; вам рассказывает об этом человек, находившийся там, среди прочего, потому что так я привык поступать всю жизнь. Я никогда не отсиживался в убежище, в одном из таких мест, это мне не свойственно, это не мой менталитет, не мой обычай. Я был там тогда в ночь, когда американские военно-морские силы симулировали высадку десанта на севере провинции Пинардель-Рио, недалеко от столицы. Мы говорили: «Но как это, высадка десанта?». «Да, высадка десанта». «Подтвердили высадку десанта в Кабаньяс», - именно так мне сказали едва ли 24 часами ранее, когда меня разбудили: высадился десант в районе Пляя-Ларга, одно отделение ведет бой с врагом.

Потом, когда сбросили парашютистов, я полностью убедился в том, что это было главным направлением. Мы были там, они остановили нашу танковую атаку, мы готовили другую с другой стороны, мы собирались зайти к ним в тыл, на Пляя-Ларга и на Пляя-Хирон, с двух сторон. Я находился там, ожидая прибытия танкового батальона. Там была наша артиллерия, которая стреляла вовсю. Возможно мы вошли бы на Пляя-Хирон до рассвета. Американцы совершили маневр, в то время даже не было нынешней магистрали; со связью у нас было очень плохо, мы были организованы на уровне батальонов, не армии, ни армейского корпуса, ни дивизии, ни даже бригады. Когда мы были партизанами, у нас не было ни батальонов, ни танковых батальонов, ни артиллерийских батальонов, ни противоздушных батарей, ни батарей с пушками 130 мм, ни батарей с гаубицами 122 мм. Действовали на уровне батарей, но в горах у нас ничего этого не было.

Так что перед нами стояла американская эскадра. Там не было ни одного расстрелянного, ни одного удара прикладом. О чем это говорит? Что идеи превратились в сознание, что этика была сознанием, и те солдаты, возмущенные, не прикончили никого. Американская эскадра находилась в трех милях, а не в двенадцати. Когда мы вышли на Плая-Хирон, они стояли там с потушенными огнями: авианосцы, морские пехотинцы на судах, ожидающие момента, чтобы создать правительство.

Это я и хочу тебе сказать: я хорошо знаю этих людей. Я не представлял себе, что они способны подвергать пыткам заключенных ни в Гуантанамо, ни в Абу-Грайбе. Я считал их чуточку более разумными, достаточно разумными, чтобы не делать этого, и я сказал тебе, почему. Это нельзя оправдывать ненавистью или возмущением, поэтому я сказал тебе, что у нас много раз были заключенные террористы, наемники, предатели, но мы никогда не притронулись к ним ни пальцем, а они это сделали.

Так вот, поэтому я говорю, что они уйдут, когда смогут, когда моральная и политическая цена будет как можно меньше; но никто этого не знает. Возможно когда-нибудь американский народ решит, что они должны уйти из этой страны, кто бы ни был президентом Соединенных Штатов.

Да, вот такие вещи могут произойти, они непредсказуемы.

Дай слово другому.

Не закрывай это заседание, а ты станешь непопулярным (Аплодисменты).

Быстренько, еще два или три.

Я постараюсь быть кратким, нам надо постараться это вам объяснить.

Владимир Якунин. ...Думаю, что любой закон или регламент о труде - мы его нарушили.

Прошу присутствующих на конференции опустить руки. Есть очень хорошая поговорка: «Надо знать, когда пора уходить».

Думаю, что мы должны поблагодарить Председателя Государственного совета и Совета Министров за время, которое он нам уделил. Мы должны поблагодарить его за это (Аплодисменты).

Фидель Кастро. Возможно мы встретимся там, но меня даже не пригласили на встречу, не знаю, дадут ли мне визу (Смех). Когда состоится эта встреча, в каком месяце?

Владимир Якунин. С 3 по 7 октября.

Фидель Кастро. Этого года?

Владимир Якунин. Да.

Фидель Кастро. Где это будет?

Владимир Якунин. На острове Родос, в Греции.

Фидель Кастро. Приглашаете кого-нибудь?

Владимир Якунин. А как же, конечно.

Фидель Кастро. Что требуется для того, чтобы?...

Владимир Якунин. Только ваше присутствие.

Фидель Кастро. Нет, я не хочу ничего обещать, потому что не знаю, что со мной может приключиться, и не хочу, чтобы мое слово...

Владимир Якунин. Может быть, вы подумаете.

Фидель Кастро. Я подумаю, да, я подумаю, обязательно (Аплодисменты).

Большое спасибо за ваше терпение.

До скорой встречи. Как говорил Че или как говорит президент Чавес: всегда до победы!

Да здравствует мир!

Да здравствует диалог цивилизаций! (Аплодисменты)

